

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

ВРАТА СКОРБИ.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНА

Бремя империи

Александр Афанасьев

Врата скорби. Последняя страна

«Остеон-Групп»

2019

Афанасьев А. Н.

Врата скорби. Последняя страна / А. Н. Афанасьев — «Остеон-Групп» , 2019 — (Время империи)

ISBN 978-5-900782-12-6

1949 год альтернативной истории нашей планеты. Сэр Роберт Брюс получает задание найти контакт с Идаратом и выяснить, кто они такие и на кого работают. Он назначен начальником станции в Шук-Абдулле вместо погибшего Вудса. Сэр Роберт находит связь с местными ваххабитами для получения помощи – это британские пособники. Они дают наводку, но попытка контакта выливается в жестокую бойню на улицах Шук-Абдаллы.

ISBN 978-5-900782-12-6

© Афанасьев А. Н., 2019

© «Остеон-Групп» , 2019

Содержание

Граница между ЮАФП и ЙАР. Пограничная зона, слабо контролируемая территория. 29 мая 1949 года	5
Аравийский полуостров, юг. 17 июля 1949 года	17
Горы, регион Хадрамаут. Вади ас-Саль. 29 июля 1949 года	26
Горы, регион Хадрамаут. Населенный пункт Шаббир. 01 августа 1949 года	32
Горы, регион Хадрамаут. 10 августа 1949 года	41
Горы, регион Хадрамаут. Дорога. 02 августа 1949 года	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Афанасьев

Последняя страна

*Молчит полумесяц, и снова с Востока таинственный ветер подул.
Молчит полумесяц, и снова идут на войну Петербург и Стамбул.
Висит старый месяц, не хочет проклятый никак превращаться в
луну.*

*Он слушает песни, печальные песни о тех, кто томится в плену.
Жизнь висела на волоске,
Шаг, и тело на скользкой доске.
Сталь хотела крови глоток,
Сталь хрипела, идем на Восток!
Гремят барабаны, но злые османы сдают и сдают города.
Свистят ятаганы, но в небе туманном зажглась молодая звезда.
Разбит неприятель, а подлый предатель сыграл свой последний
гамбит.*

*Молчит полумесяц, и вслед уходящему поезду грустно глядит.
Жизнь висела на волоске,
Шаг, и тело на скользкой доске.
Сталь хотела крови глоток,
Сталь хрипела, идем на Восток!*

«Идем на Восток». Ногу свело

Граница между ЮАФП и ЙАР. Пограничная зона, слабо контролируемая территория. 29 мая 1949 года

Смушение, которое произвели две сверхдержавы, сражающиеся за клочок земли, было таким, что даже самые заскорузлые и консервативные вожди племен и племенных образований понимали: дальше так жить нельзя. Оно... оно, впрочем, и до этого было понятно: но ум оттягивает решение наболевших проблем до последнего, цепляясь за привычное и инстинктивно отвергая новое и непонятное. Молодежь из племен – а рожали много – уезжала на заработки на русские фабрики, на открывающиеся много севернее нефтяные прииски, ища лучшей доли. Многие так и не возвращались – а те, кто возвращался, рассказывали невиданные вещи. О машинах, которые так сильны, что ворочают многовековые валуны с той легкостью, как ребенок играет с камнем. О шумных, многолюдных городах, об автомобилях, текущих потоком по улицам, о стальных дорогах, по которым локомотивы перевозят тысячи людей за раз. Даже подсобные рабочие – а без образования могли взять только лишь подсобным рабочим – могли многое понять и осознать. О том, что такие же арабы как они, но живущие на русских территориях – могут написать свое имя, а многие даже письмо написать, они читают газеты, без страха ездят на автомобилях и поездах, некоторые управляют с техникой. Для тех, кто учен – дорога вперед открыта: оконченная трудовая школа на прииске дает тебе право быть не подсобным, а буровым рабочим, с этой должности можно стать десятником, потом, самый умный и умелый десятник становится бригадиром, а самых лучших – компания посылает учиться, и они возвращаются на прииски уже буровыми мастерами. А тот, кто хорошо учился и у кого есть деньги – может отдать своего сына в учение, и он может стать даже инженером. И возвращаясь на свои родные земли, они видели то, что и должны были увидеть: грязь, нищету, убожество. Уже неубедительными были речи мулл и стариков о том, что они неверные, а мы правые и только потому мы лучше их. Жизнь – уходила вперед стремительно, подобно

локомотиву, отходящему от перрона только недавно построенного Багдадского вокзала, взмывала в небо свечой, подобно пассажирскому Юнкерсу или Муромцу – и тем, кто жил в горах оставалось лишь одно: подумать, кому и как правильно сдать, чтобы и их вагон – оказался прицепленным к составу нового мира. Иначе – и все это понимали – через несколько лет у них не останется НАРОДА.

Британия проигрывала. Британия неуклонно проигрывала в этой схватке России по одной простой причине: британцы жили по принципу «все или ничего». Это был никем не провозглашаемый громогласно – но все же один из фундаментальных принципов жизни англо-саксонских народов: все или ничего. Победитель всегда прав, победитель забирает все и диктует условия. Конечно, на земле, в горах Афганистана и Северо-западной пограничной провинции все это и виделось и звучало немного по-другому, и тем, кто там жил и действовал от имени Империи, приходилось маневрировать. А вот русские – как раз комфортно чувствовали себя в обстановке неопределенности, недорешенности, некоего торга, люфта как в одну так и в другую сторону. Россия – была столь велика, что какое-то окончательное и однозначное решение – принять бывало почти что невозможно. Русские умели вовремя подлаживаться, идти на компромиссы, и самое главное – они умели принимать в семью. Грузинские дворяне, несмотря на все эксцессы первоначального периода совместной жизни – несмотря на всю их многочисленность, были не только приняты в семью русских дворян, но и допущены ко двору: при дворе было немало грузинских кавалеров и грузинских фрейлин – при том, что это был двор сверхдержавы! Точно так же – допущены ко двору были и некогда злейшие враги – османы, и даже некоторые шейхи, жившие южнее и вовремя уловившие, откуда ветер дует: они наперегонки покупали и строили дома и дворцы в Санкт-Петербурге и всеми способами демонстрировали свою лояльность, оставаясь в своих землях теми, кем они были до этого. Англичане – такого допустить не могли.

* * *

Немного в сторону. Автор, готовясь писать эту книгу и по привычке докапываясь до сути, долго думал о том, а что такое была Российская Империя. Ведь это было уникальное по своим масштабам, а главное – по той легкости завоевания, политическое и территориальное образование. Вспомните – как американцы воевали с индейцами, с какой жестокостью они их истребляли. Что творили испанцы на оккупированных территориях Латинской Америки, что творили англичане в Индии. И ведь Империя не развалилась она хоть в усеченном виде, но существует, верно? И почему практически не было национальных восстаний? Например, пугачевщина – огромное восстание – но там ведь не было лозунгов отделения от России, там были чисто социальные причины и чисто социальные требования.

На мой взгляд, феномен России заключался в способе объединения элит. Как известно, любое государство (кроме революционных, и то на первых годах существования) делится на элиту и податное сословье, при этом элита более или менее успешно забирает у податного сословья часть добавочного продукта и обращает его в свою собственность, расходуя, опять – таки – более или менее успешно.

И Россия, при своей территориальной экспансии – не уничтожала чуждые ей элиты, а наоборот – предлагала присоединиться к общему «клубу» так сказать элит и эксплуатировать податные сословья совместно. При этом – объединение элит и территорий, на которых находятся податные сословья – давало возможность снизить военную опасность и следовательно – размер того прибавочного продукта, которые требовалось тратить на безопасность и оборону. Кто же от такого откажется. Именно поэтому – в короткое время удалось собрать такую громадную державу и в нее входили действительно добровольно, за исключением одного маленького нюанса – добровольно входили элиты, а не народы. Там же, где

элиты были слабо выражены, где существовала военная демократия почти первобытного типа (Кавказ) – там попытки присоединения заканчивались кровопролитными и длительными войнами. Желаящие – могут углубиться в тему Кавказской войны, и того, как она велась. Русские наместники в Предкавказье посылали в горы волне определенные, хоть и не «в лоб» написанные предложения: объединяемся, и вы сохраните тот статус, какой у вас был. Беда в том, что на Кавказе в то время не было элит (сейчас есть) и потому такие призывы падали в пустоту. А наличие на Кавказе элиты сейчас приводит к тому, что сейчас и есть – лояльные элиты при враждебном народе.

Что, кстати, происходит на Кавказе сейчас (думаю, вам интересно). Да то, что и должно происходит в такой ситуации. Кавказ в дороссийском периоде не мог сформировать свои элиты и хоть какое-то подобие государства по той причине, что слишком мал был регулярный прибавочный продукт, с него едва сами кормились – а вот элиту с него было уже не прокормить. После вхождения Кавказа в состав России, а потом и СССР – экономика Кавказа многократно усложнилась, уровень прибавочного продукта – тоже, и это позволило появиться элитам и сформировать сложную, современную государственность. После распада СССР же – прибавочный продукт очень сильно упал и содержать элиты и сложное (и дорогостоящее) государство стало невозможно. То же самое происходило при распаде Британской, Французской империи – падение прибавочного продукта, сокращение элит, уменьшение сложности государства и возврат к «дешевому» государству, где есть вождь, есть племенной совет, есть вооруженная автоматами ватага – армия, которая в мирное время частично работает на огороде, а частично – кормится похищениями людей и набегами на соседние территории. Естественно, нет или почти нет судебной системы, нет сложных и дорогостоящих коллективных систем обеспечения жизнедеятельности – школы, больницы, учреждения культуры. Сформировавшаяся при империи элита – забирает накопленное и переезжает в метрополию. Это мы видели в Чечне 96–99 годов, это мы сейчас видим в Ливии, по этому пути идет Египет: проблема одна, сложное и дорогостоящее государство, многочисленная элита и уже недостаточно денег, чтобы все это содержать. Элита хочет кушать, элита вырывает у людей последнее – и те восстают. В нашем случае – Кавказ тоже попытался вернуться к «дешевому государству» (проект Имарат Кавказ) и свергнуть элиту, но империя не дает этого сделать. Она с одной стороны поддерживает лояльную к ней элиту военной силой, а с другой стороны закачивает деньги, чтобы не дать свалиться в дикость. Беда в том, что большая часть денег – местная элита тратит на прокорм живота прямо сейчас – а не на восстановление сложной и способной содержать такую элиту экономики. И вот тут – нужна сильная политическая, подкрепленная силой воля – чтобы сломить ситуацию и все-таки восстановить нормальное течение жизни на Кавказе.

Нет, я вовсе не сторонник независимого Кавказа. Достаточно почитать о том, что там творилось до прихода русских (разбой, похищение людей, людоедство), чтобы понять: эта война была необходима и справедлива.

В связи с этим – возможность объединения всего Востока под властью России в начале двадцатого века выглядит вполне осуществимым мероприятием: Россия уже фактически присоединила северную часть Персии к себе и если бы не революция – был бы русский город Тегеран. Или как минимум русское южное побережье Каспия. Точно так же – османским и прочим элитам оставили бы титулы и право эксплуатировать податное сословье. И точно так же, они надели бы русские погоны и стали бы служить Белому Царю. Именно потому, что лично их положение, как положение элиты – не ухудшалось ни на йоту: был султан, стал царь, велика ли разница? Ни Англия, ни Германия так Восток объединить не смогли бы по одной причине: и там и там уже сложилась политическая нация. И любой чужак так бы и воспринимался – как чужак, причем чужак ниже положением. В Британской Индии, например, британец в Британской Индийской Армии сразу получал звание майора, потому что не

*мог подчиняться индийцу, и индеец наоборот – не мог получить звание выше капитана. Вот Британская Империя и рухнула. А у нас – сын мятежника Шамиля стал полковником русской армии. И все потому, что в России были братские народы, но не было **нации**. Русской политической нации – не было, был собор разных (братских) народов, живущих в одной империи, и все были (на самом деле были) равны. Русских было больше всех – но они были равны со всеми.*

Если рассматривать ситуацию с этой стороны – то неожиданное, но понятное и разумное объяснение получает распад СССР. СССР – восстановился в качестве Российской Империи, и в каждой республике была своя элита. Она должна была посылать наверх деньги, собранные с податного сословья, правильно принимать и распределять трансферты из союзного бюджета и демонстрировать верность ленинским принципам. Но негласная суть объединения была в том, что элита была НЕПРИКАСАЕМА. Она потому и была лояльна, что неприкасаемость – входила в негласный договор между центром и регионами. Андропов – нарушил это перемирие и стал демонстративно преследовать региональные элиты. Итог – моментально появился и стал разрастаться сепаратизм, который буквально взорвал страну изнутри. То же самое, кстати – может произойти и с Россией.

* * *

Усмешка судьбы – а она в таких делах бывает всегда – была в том, что встречу назначили в селении, которое было рядом с полевым аэродромом, расчищенным сэром Робертом и его людьми и подготовленным к приему десантных самолетов. Высотный разведчик, снимая и картографируя предположительное место встречи – должен был найти место для посадки пятьдесят второго Юнкерса – а какое место может быть лучше, чем подготовленный кем-то полевой аэродром, верно?

Старейшины – собирались несколько дней, и всех их – привечали местные жители с традиционным здесь радушием. Столы ломились от обилия мяса и зелени, риса с приправами – и никто не задавался вопросом: а откуда это взялось? Ларчик открывался просто: русские, готовя эту встречу, уже сделали сюда один рейс, привезя самолетом больше тонны риса в мешках, зелень и мясо (и это не считая стальных лопат, мотыг, топоров и кирок, которые раздали бесплатно). Проблем с этим не было, совсем рядом было Междуречье, где после мелиорации земель риса выращивали столько, что хватало и всем своим голодным и на продажу. Вот так вот – и завоевывались сердца. Именно поэтому – когда местные и пришлые шейхи собрались у края летного поля, чтобы приветствовать самолет – местные уже не пугались рева его моторов и не стреляли в воздух. Они знали, что самолет – привезет им какие-то подарки от щедрого Белого царя, который живет где-то там, вдалеке.

Самолет был и в самом деле – небольшим транспортным трехмоторником Юнкерс-52, одним из самых распространенных и дешевых транспортников в мире. Его три двигателя БМВ132 – лицензионный североамериканский Пратт энд Уитни – питались не авиационным керосином, а распространенным и относительно дешевым автомобильным бензином с октановым числом 87 – теоретически, самолет можно было заправить с любой автомобильной заправки. Неприхотливый и надежный за счет трехдвигательной схемы самолет – использовался в качестве пассажирского в Африке, на Востоке, в Туркестане и в Европе, в качестве легкого бомбардировщика и самолета для заброски мелких групп десантников, здесь, на южной оконечности аравийского полуострова – он использовался как пассажирский на линии Аден – Санаа. Но сегодня – на нем летел только один пассажир, правда, с небольшой охраной. Он и сошел сейчас по трапу под пристальными взглядами убежденных сединами шейхов. Он был вдвое моложе самого молодого из них – но именно его они пригласили для того, чтобы решить, как быть дальше...

Принц Касим Аль-Хабейли, старший сын свергнутого и убитого подлыми убийцами князя Самеда Аль-Хабейлы легко сбежал по трапу, в окружении казаков и наемников, вооруженных автоматами. Он был одет несколько странно и эклектично: грубая, то ли рубаха, то ли куртка с вышивкой черными нитками – искусный портной вышил «Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед Пророк Его» и «Нет для нас никакой защиты, кроме заступничества Аллаха, свят Он и велик». Вместо юбки – у него были штаны той же ткани, а вместо сандалий, положенных богатым и подошва которых из дерева – на его ногах были десантные полуботинки армейского образца, удобные для гор. У него не было ни оружия, ни каких-либо регалий его власти и он походил на охотника, выбравшегося на охоту в горы, нежели на наследного принца пусть небольшого, но княжества.

– Ас саламу алейкум ва рахматулла уа баракатух, уважаемые люди – сказал он

– Ва алейкум ас салам ва рахматулла уа баракатух – ответил шейх Муслим, самый молодой из собравшихся старейшин. Ответить было нужно, потому что гость был правоверным и не ответить, значит не только оскорбить его, но и сделать скверное дело в глазах Аллаха. Однако, у принца Касима не было особого уважения в горах, он жил далеко, не подчинялся законам предков, не выполнил тхаар – кровную месть – и потому авторитетом он не пользовался. От группы людей – ответить на приветствие может только один человек, и потому – ответить поручили шейху Муслиму, который еще и был самым хитрым и в общем то – мог считаться модернистом настолько, насколько это было возможно в горах. Еще у него были счеты с англичанами – убили его среднего сына – и он тоже должен был отомстить...

– Что заставило старейшин моего народа обратиться ко мне, недостойному... – спросил принц, за спиной которого стола вооруженная автоматами охрана, и местные – уже тащили на спинах пятидесятикилограммовые мешки с рисом из самолета. Некоторые мужчины из этой деревни весили ненамного больше мешка с рисом – но такая ноша никогда не тянула и не тянет...

– Ты сын нашего народа, и им и останешься – сказал шейх Муслим – ты долгое время жил в городе и знаешь тамошние порядки как никто. Мы думаем, что ты не откажешься рассказать нам о них...

– Отчего же не рассказать. Только – неужели мой народ забыл о правилах и традициях гостеприимства, и вместо того, чтобы пригласить меня за стол будет расспрашивать меня прямо здесь?

Важно кивнул шейх Сахиб

– Ты гость, и потому мы приглашаем тебя к столу, не побрезгуй же нашей пищей и нашим обществом и отведай лучшее из того, что у нас есть...

Касим Аль-Хабейли коротко поклонился обществу – одним кивком, как это делали русские офицеры...

* * *

Расспросы начались уже за ужином, это была традиция его народа, и вообще народов Аравии – бедуины и арабы очень любят послушать новости. Утоляя голод кус-кусом и жареной бараниной, принц Касим рассказывал собравшимся новости, энергично жестикулируя

– ... наше положение... – говорил он – очень хорошее, мы находимся почти на стыке евроазиатского и африканского континента. Суэцкий канал – контролируют англичане и русские, но он может быть в любое время перекрыт. Поэтому – порт Аден приобретает особое, стратегическое значение. Белый царь – повелел строить железную дорогу на Сану и далее – на Аден, через горы. Если она будет построена – хвала Аллаху, порт увеличит свой грузооборот в несколько раз, а мы все заживем по-другому...

– Машалла...

– Бандитов изгонят с гор, на поезд не так то просто напасть, это не конвой. У русских – уже есть немало самолетов, способных согнать бандитов с гор и уничтожить. Это и будет сделано. Но будет грабежа, а будет только работа. Иншалла, ее будет много...

– А кто помешает русским объявить грабителями... скажем нас? – задал вопрос один из шейхов – объявить нас грабителями и согнать нас со своей земли...

Принц Касим пожал плечами

– Во-первых, отсутствие грабежей. Думаю, всем нам известно, кто на самом деле ходит в бандах, где они останавливаются на ночлег, кто ходит и носит им продукты, кто сбывает награбленное. И мы миримся с этим, потому что они – дети нашего народа. Но шариат запрещает грабить на дорогах, разве это не так? Что полагается за разбой по шариату¹?

– Смерть... – сказал один из шейхов

– Правильно. Смерть. Но мы не применяем ее, хотя все знают, к кому ее надо применить – потому что они одни из нас. Но какие мы тогда мусульмане? И не становимся ли мы в таком случае мунафиками – теми, кто верует лишь для вида, а на самом деле совершает злые дела и отвергает Аллаха в сердце. Разве можно быть правоверным наполовину? И какое наказание должен наложить Аллах на такой народ, который говорит, что он уверовал, знает своих разбойников и бандитов и не судит их по закону шариата...

Принц Касим говорил правильные вещи. Насколько правильные, что старикам было не по себе. Они из поколения в поколение привычно врили себе, что они мусульмане – и тут же давали приют грабителю и налетчику, лишь бы тот принадлежал к их народу. Они говорили, что шариат превыше всего – но на самом деле превыше всего были простые житейские правила, обеспечивающие выживание и продолжение жизни их народа. Их земля скудна на урожай – и потому, приходится разбойничать на караванных путях, хотя в шариате сказано: разбойнику – смерть. Они никогда не видели ничего хорошего от окружающего мира, на их земли приходили не иначе, чем с войной, они говорили на очень редком языке и плохо понимали соседей – и от того родилось правило: любой наш, любой человек их рода и их народа, всегда прав против любого чужака, и его надо было поддерживать в этом. И это, крестьянское, можно сказать право, право обычая мирно уживалось с шариатом, но только до тех пор, пока кто-то не встанет и громогласно не скажет: это неправильно. Вы – не поступаете по шариату, вы не судите по шариату, вы не живете по шариату. И значит, вы – неверные, вы вышли из ислама. И пошатнется власть, пошатнутся вековые устои и обычаи народа, и жить станет нельзя. Они, шейхи, правители, судьи (кади), просто авторитетные люди – не заканчивали школ и университетов, но ощущали это всем своим нутром. Ваххабиты, идаратовцы – все наносили удар по устоям только самим обсуждением Корана, самой дискуссией². Этим самым – они подтачивали устои, на которых держалась жизнь и подточили их до того, что жизненный уклад вот – вот должен был рухнуть. И сейчас – им, поводырям своего народа отчетливо понимающим, что

¹ Толкование нормы Корана относительно разбоя позволило правоведам установить меру наказания за это преступление в зависимости от его последствий. Так, по мнению шафиитов, если разбой сопровождается убийством и захватом имущества, то преступник наказывается смертной казнью и распятием: при убийстве без присвоения имущества – смертной казнью; при лишении путника имущества без убийства – четвертованием и при простом устраниении без убийства и овладения его имуществом – высылкой или лишением свободы по усмотрению правителя. Представители ряда других школ мусульманского права считали, что имам вправе выбрать любую из предлагаемых Кораном мер, включая и смертную казнь, если того требуют интересы общины, для наказания преступников, совершивших любой вид разбоя. Однако, по единогласному выводу всех толков, если разбой сопровождался убийством, то правитель обязан применить смертную казнь, и не может помиловать преступника, поскольку такое убийство в отличие от обычного посягает на права общины. Причем если в преступлении участвовало несколько лиц, то все они подлежат смертной казни.

² Происходящее – примерно соответствует тому, что происходило в последние тридцать лет жизни СССР. Изначально СССР строился не столько на марксизме, сколько на неписанном, крестьянском обычном праве, которое молча разделяло большинство населения страны. Но как только его забыли, как только начали говорить, сравнивать, как только начали действительно разбираться, как мы живем, правильно ли – все пошло крахом. Парадоксально – но СССР убил, прежде всего, марксизм.

старые времена прошли – не оставалось ничего, кроме как выбрать меньшее из зол. Которое позволит им и их народу жить дальше...

– Разве ты сам строг в соблюдении шариата? – в упор спросил один из шейхов

– Конечно – принца Касима этот вопрос совсем не смутил – я живу трудом своим, я даю саадаку³ и плачу положенный закят и встаю на намаз...

Тут был один нюанс. Шейх спрашивал совсем о другом: строг ли ты в соблюдении шариата в том его прочтении, какое существует в горах, где шариат – прилюдно переплетен с местными традициями и обычаями. Но шейх – не мог спросить такое в лицо, потому что принц тотчас же обвинил бы его в бида'а, привнесении новшеств в ислам. Принц же – отвечая, имел в виду тот ислам, который принят в цивилизованных и даже получивилизованных местах: ислам, гласно и негласно продвигаемый Россией. Ислам со строгой иерархией, ислам, прежде всего нацеленный на поиск себя в исламе и самосовершенствование, ислам, не отвергающий никого, даже порой женщин⁴. Но в этом исламе – не было места боевым дружинам, действующим «от имени Пророка», не было места джихаду, объявляемому полусумасшедшими проповедниками, не было места терроризму.

– Но ты даешь деньги в рост... – сказал тот же шейх

– Кто сказал такое? Разве ты видел, как я даю деньги в рост? Ты – брал у меня деньги в рост?

Шейх промолчал, не желая опозориться.

– Шариат запрещает ростовщичество, но вовсе не запрещает торговлю. Скажем, я покупаю товар в Багдаде по одной цене, привожу и продаю его по другой. Это мубараха, разрешенная шариатом сделка с товаром. Разве не так делали все купцы, даже и при Пророке Мухаммеде, да благословит его Аллах и приветствует. А если кто-то приходит ко мне и говорит, что хотел бы торговать моим товаром, но у него нет денег – и при этом, он честный и порядочный человек – я просто продаю ему товар дороже с тем, что он продаст его и расплатится со мной из тех денег, какие он за него выручит. А как только он накопит денег и сможет покупать у меня товар с расчетом сразу – я сбавлю ему цену. А если кто-то приходит и говорит, что хочет построить корабль – я даю ему деньги и говорю – строй, но как только корабль будет построен, ты будешь мне платить столько с каждого рейса и так, пока не заплатишь столько то. А как только заплатишь – корабль твой. Что же в этом плохого? Без этого – не было бы торговли.

Шейхи трясли седыми бородами. Примеряли все на себя, на свой народ. Пытаясь понять, как придется жить им в новом мире...

– Но так – ты получаешь лихву.

– Разве? Нет, я получаю достойное вознаграждение за свой риск, и свой скажите – разве нет такого, что между купцами есть братства. И они складываются деньгами на случай, что если у кого-то из братьев разграбят караван, или если его обманут на базаре – он смог бы начать торговлю с этих общих денег. Пора понять, что деньги – меняют этот мир. У русских хорошие деньги и хорошие товары, и сами они честные люди.

– Но русские неверные!

– Не более чем мы – снова ударил по большому принц – они честные и достойные люди.

И всегда платят то, о чем договорились.

Разговор – топтался на месте. Каждая сторона – пыталась прощупать другую...

³ Милостыню

⁴ Одной из особенностей русского варианта ислама является то, что женщина является в нем самостоятельным субъектом, а не безмолвным придатком мужа, и может осмысленно верить как и мужчина, а не слепо подчиняться. Так, в Татарстане, в Средней Азии – существовали медресе для женщин, существовали и проповедницы, которые ходили по домам, собирали небольшие группы молодых девушек и учили их Корану и хадисам перед замужеством. В Средней Азии эти женщины назывались «биотун».

– Мы знаем... – снова начал шейх Муслим – что ты нанял много людей, и что они ведут войну против нечестивого Абу. Что эти люди – неверные, и что многие из них – даже казаки. Мы хотим, чтобы ты сказал нам, что ты хочешь сделать, вернуть себе трон?

– Да – сказал принц – я хочу вернуть себе трон. Если вы – не взбунтовались против нечестивца, не прогнали его и его злонамеренных людей – я нанял хороших воинов. И верну трон по праву сильного...

Шейх Муслим сделал неопределенный жест рукой

– Но ты не обращался к нам за помощью. Вместо того чтобы прийти к нам с чистым сердцем и сказать о своих намерениях – ты послал на нашу землю чужаков! Неверных!

– А разве это не ваш позор, что вы не восстали против нечестивой власти т'агута? Неужели вы не видите, что он творит? Неужели вы не слышали о том, как он пьет харам, неужели вы не слышали, как он убивает, как он творит харам с детьми. Клянусь Аллахом, я долго ждал того, что кто-то из вас придет ко мне, вашему законному наследнику и скажет: о, Касим, наш народ стонет под бременем несправедливости, изнывает под гнетом тяжелых пода-тей, наш народ не видит больше будущего для своих детей – помоги же нам! Разве вы не знали, где я живу? Разве я жил за семью морями? Нет, я жил в Адене и любой из вас мог прийти ко мне. Но нет, вместо этого, вы терпели несправедливость и поклонялись т'агуту и вот, Аллах наказал вас, так же, как он наказал меня преждевременной смертью моего отца. Разве не сказано:

– Мы предсказали сынам Израила в Писании, что они дважды произведут бесчинства в Иерусалиме, каждый раз творя несправедливость, беззакония и притеснения, забыв о предписаниях Торы, убивая Пророков и развратничая. Распространится ваша власть, и вы будете чрезмерно высокомерными и несправедливыми.

– Когда пришло к вам время наказания в первый раз за сотворённые вами бесчинства и несправедливость, Мы ниспослали на вас Своих рабов, сильных, обладающих большой мощью, которые пошли по всем местам и проникли в каждое жилище, чтобы убить вас. Так было выполнено Наше обещание наказать вас.

– Когда вы перестали бесчинствовать и творить несправедливость, образумившись, и стали проявлять смирение перед Богом, Мы помогли вам победить тех, которых Мы послали против вас, даровали вам богатство и сынов и сделали вас народом более многочисленным.

– Мы сказали вам: "Если вы будете вершить добродетели и поклоняться Аллаху, то вы принесёте пользу себе в ближней жизни и в жизни дальней, а если вы будете совершать злодеяния, то этим только навредите самим себе. Когда настанет для вас срок наказания во второй раз за бесчинства и несправедливость, Мы направим ваших врагов против вас, чтобы они причинили вам такой вред, который оставит следы унижения, бедствия и горя на ваших лицах. И последствием будет то, что они войдут в Иерусалимскую мечеть и разрушат её точно так же, как они вошли в неё в первый раз и разрушили. И уничтожат они всё, над чем возьмёт верх их сила.

– Может быть, ваш Господь простит вас после этого ещё раз, если вы раскаетесь. Но если и после этого вы будете продолжать бесчинства, то Мы опять накажем вас и сделаем ад темницей и пристанищем для неверных⁵.

Принц свободно цитировал Коран, говоря на языке тех из людей, что пришли к нему. И его слова – были в их глазах намного убедительнее слов, которые говорили англичане. И посулов, которые давали англичане – ведь посулы англичан касались жизни земной, а принц говорил – о Часе и о Суде. О воздаянии.

⁵ Аль-Исра 4-8

– ... Да и о каких неверных ты говоришь, неужели ты не видишь, что творится в Шук Абдалле на горе всей умме! Нечестивый Абу приблизил к своему трону тех, кто убил моего отца – лживых и подлых англизов! И неужели вы – не возроптали, видя такое бесстыдство!? Неужели – никто из вас не задумался о том, что такая же судьба постигнет и вас! Англизы – убьют вас одного за другим, а на трон поставят нечестивцев, которые помогут им в этом, и будут насмехаться над вашими годами и семьями, сделают ваших старших сыновей и законных наследников изгнанниками, как они сделали меня! Людьми без земли, без рода!

Последние слова – были словами страшными. Здесь не поклонялись деньгам, деньги были не более чем способом что-то купить на базаре, намного более удобным, чем гнать на него скот и договариваться об обмене. Все, что имело здесь ценность – это земли, золото и женщины. И конечно – поддержка собственного рода и собственного народа. Жить без нее – было просто невозможно, никто не представлял, как жить без нее. Человек, потерявший поддержку собственного рода, представлялся в таком же бедственном положении, как и бидуна – сумасшедший, не способный осознавать себя, и значит – свою принадлежность. Еще страшнее – было предполагать, что в подобном положении окажутся их старшие сыновья. Живое доказательство того, что такое вполне возможно – стояло перед ними. И принц не молчал – он говорил, он обвинял...

И многие в этот момент задумались о лучшем, из двух зол. Если старый мир – никак невозможно сохранить, то из новых миров, которые кто-то предлагает построить – надо выбрать лучший для своего народа – и, конечно, не забыть про себя. А выбор есть. Но ваххабизм – это религия диких кочевников, не слезающих со своего седла, религия тех, у кого нет земли, и которые питаются единым лишь разбоем. Разве дело – отвергать религию отцов и брать религию дикарей, тех, кого со страхом поминают в городах и на караванных тропах? И разве может эта религия принести мир и благодать на их горные пастбища и делянки, если вместе с ней – идет фанатизм, безумие, разруха. Много ли нажили те кочевники с этой религией? И не их ли трупы – качаются на виселицах, прибиты к крестам поставленных на дорогах, терзаемы собаками?

Идарат? Это безумное отрицание всего того, чем живут и жили горы. Это вера, позволяющая сыну ударить отца, и не только ударить – но и воевать против него. Эта вера – поклонение зловещему божеству со странным названием «революция» и пролитие ради него крови. Эта вера – немногим лучше религии ваххабизма, за исключением того, что ваххабизм – знакомое зло, а эти ... безумцы появились совсем недавно.

Англизы? Англизы – прижились в столице при нечестивце Абу и нечестивец – это англизы, а англизы – это нечестивец. И много они сделали зла за то короткое время, пока они властвуют. А еще больше – сделают в будущем, неужели это не понятно? Они неверные, и то, что они говорят – это слова неверных, и им пристанищем – ад. А им – какое будет пристанище?

А принц Касим – молодой, он проправит долго, и наверное – за это время не будет пертурбаций, которые грозят бедствиями. За принцем Касимом – не меньшая сила, чем за Абу с его англизмами, и принц Касим богат. Значит, он не будет обирать горцев, как это делает нечестивец Абу, пусть он пожрет в свой обширный живот омерзительные плоды дерева «заккум»⁶ и кипятков, как это предписано грешникам. И он говорит слова, которые они не совсем понимают

⁶ Дерево Заккум – то же самое, с которого Змей предлагал яблоко Еве. В частности, в тридцать седьмой суре про него сказано: «Разве это определённое благо, уготованное для обитателей рая, не лучше, чем дерево заккум, уготованное для обитателей ада? Мы сделали это дерево бедствием и наказанием для многобожников и нечестивых в дальней жизни. Это дерево растёт в аду и питается огнём, из которого оно было сотворено. Плоды, растущие на ветвях этого дерева, – уродливые, страшные и отвратительные. Они подобны головам дьяволов, которых люди не видели, но надеялись на их заступничество и воображали их страшный вид. Обитатели ада едят плоды этого дерева и наполняют ими свои животы, ибо они не находят ничего другого, что можно было бы есть. Для этих нечестивых многобожников – горячее питьё из кипятка, которое обжигает их лица и разрывает их кишечники. Они опять вернуться в вечное для них жилище – адский огонь, в котором они подвергаются вечной каре. Затем их снова гонят из огня к дереву "заккум", плоды которого они едят и пьют кипятков, и оттуда – опять в адский огонь.

– но наверняка это верные слова, которым принц Касим научился среди людей Руси. И может быть, если принц Касим говорит, что их земля изобильна, и что он сможет улучшить жизнь горцев – так оно и будет? Ведь нечестивец Абу тоже много говорит – но все, что у него есть, добыто мытарями, обирающими горные поселения. А принц Касим стал богатым, не взяв ни единой монеты податями...

Они переглянулись – и без слов приняли решение. Заговорил шейх Ильяс, самый старший из всех, еще хорошо помнящий времена Договора⁷.

– Ты хорошо сказал, сын своего отца и наследный принц своего княжества и мы вняли твоим словам. Отныне знай, что люди, которые придут в горы и скажут, что они пришли от себя – найдут стол, кров и женщин в любом из горных поселений, да будет моим словам свидетелем сам Аллах, свят Он и велик...

– Этого мало... – холодно ответил принц – разве среди вас больше не осталось мужчин, что желают принять участие в сражении. Разве вы желаете покрыть себя бесчестьем, уклоняясь от битвы? Разве не сказано в Коране:

– Те, кто истинно уверовал в Аллаха и в Судный день, не станут просить у тебя (о Мухаммад!) дозволения участвовать в сражении своей жизнью и имуществом за дело Аллаха и не будут уклоняться от борьбы. Ведь истинность их веры вызывает в их сердцах стремление к борьбе за дело Аллаха. Поистине, Аллах знает намерения в сердцах верующих!

– Те, которые неискренне уверовали в Аллаха и в Его наказание в Судный день, просят у тебя дозволения уклониться от похода. Ведь их сердца переполнены сомнением. Они пребывают в нерешительности и колеблются, и Аллах накажет их за это.

– Если бы эти лицемеры искренне пожелали участвовать вместе с посланником в сражении за дело Аллаха, они бы приготовили снаряжение к походу, но Аллаху было неужодно их участие в походе, зная их коварные намерения, – если они выйдут с верующими в поход, то будут сражаться против них, а не с ними. И потому Он задержал их за лицемерие и коварство, наполняющие их сердца. И было им сказано: "Сидите здесь с сидящими!"

– Если бы лицемеры выступили вместе с вами в поход за дело Аллаха, они бы вас не усилили ни морально, ни количественно, наоборот, они бы распространили порчу в ваших рядах, сея смуту среди вас. Тот, кто не знает их злых намерений, может быть обманут их ложными словами, и слабые из вас иногда готовы откликнуться и поддержать их, когда они станут сеять смуту. Поистине, Аллах знает этих лицемеров, причиняющих вред самим себе своими скверными намерениями!

– Они и прежде стремились распространить смуту в ваших рядах и строили против тебя (о Мухаммад!) всяческие козни, но Аллах поразил их, помог тебе одержать верх над ними и явил Свою веру и религию, несмотря на них!

– Некоторые лицемеры говорили Пророку: "Разрешии нам уклониться от сражения и не подвергай нас испытанию и трудностям". И они стали из тех, кто не повинуется Аллаху. Истинно, геенна объемлет неверных в Судный день!

– Эти лицемеры не желают тебе (о Пророк!) и твоим соратникам добра. Они печалются, если тебя постигнет что-либо хорошее – победа или добыча; радуются, если тебя постигнет несчастье – будут раненые или убитые. Тогда они говорят злорадно: "Мы позаботились о себе, сидя дома и не выступая в поход!" И затем уходят от тебя, радуясь

– Скажи им (о Пророк!): "Нас в земном мире не постигнет ни доброе, ни дурное, кроме того, что Аллах предначертал нам. Мы смиренны перед Его предопределением: нас

⁷ Видимо, времена, когда Британия заключила договор с племенами, живущими на территории современного Омана. Это середина 19 века, значит упомянутому шейху – не меньше ста лет.

не обольщает доброе, которое нас постигает, и не пугает дурное, которому мы подвергаемся. Аллах Единый – наш Покровитель, и только на Него одного уповают искренне верующие!"

– Скажи им (о Пророк!): "Неужели вы думаете, что нас постигнет что-либо, помимо одного из двух благ: победы и добычи в ближайшей жизни или гибели за прямой путь Аллаха, чтобы войти в рай в последующей жизни? А мы выжидаем, что Аллах поразит вас Своей карой, которая погубит вас; или поразит вас унижением нашими руками. Так ждите же, что сделает Аллах, и мы вместе с вами будем ждать!"⁸.

– ... разве вы желаете принять участие в грабеже, но не желаете принять участие в битве? Разве вы не желаете навести справедливость на своей земле собственными руками, а ждете, пока за вас ее наведут наемники?

О, Аллах...

Шейхи молчали, чтобы не опозориться. Но они знали правду, которую нельзя было говорить. Они непобедимы, их горные крепости – представляют собой тщательно продуманные, неприступные убежища, которые можно взять лишь измором – но все это только до того момента, как появятся стальные птицы. Со стальными птицами нельзя ничего сделать, стальные птицы неуязвимы для их ружей. Стальные птицы летают там, где хотят, бросают бомбы и поливают землю градом пуль, от которого нигде не спрячешься. Но самое худшее – если они оставляют за собой желтый туман, которым невозможно дышать, и от которого умирают все: люди, животные, трава. Там, где был этот желтый туман – потом нельзя жить, потому что там ничего не растет.

Они знали, что они непобедимы, и что даже англизы – не могут взять их горные убежища. Но они знали о том, что если англичане захотят – прилетят стальные птицы. И добудут им победу.

Гордость – не позволяла им сказать это вслух. Осторожность – не позволяла им вступить с принцем Абу и, значит, с англичанами в открытое противостояние.

И принц Касим знал это.

– Слушайте меня, шейхи и люди гор – сказал он, отложив еду в сторону и осматривая напряженно замерших шейхов – Белый Царь желает покарать злоумышляющих против него англизов, и о том он сказал мне. Я видел Белого Царя и говорил с ним точно так же, как я вижу вас и говорю с вами. В воле Белого царя – послать к нашим берегам стальные корабли и стальных птиц, которых будет не меньше, чем те, что есть у англизов. И стальные птицы – будут над вашими головами, но они будут обрушивать всю ярость огня не на вас, а на англизов, с их стальными птицами. Клянусь Аллахом, это так же верно, как и награда, обещанная тем, кто станет шахидом на пути Аллаха. Это так же верно, как и то, что я прилетел на такой же стальной птице. Разве вы не видели это собственными глазами, о уважаемые шейхи и люди гор?

Шейхи переглядывались. Они могли не верить особо в Аллаха в душе – но шайтан их заберет, если они не видели, как молодой принц прилетел на точно такой же стальной птице, как и те, что сеют смерть. Принц – человек нового времени, и если он смог укротить одну стальную птицу, как те, которые несут смерть и бедствия в горы – возможно, у него есть средство чтобы укротить и остальных?

– Наши люди выступят вместе с твоими... – сказал шейх Ильяс после раздумий – и пусть Аллах поможет нам...

– Я благодарен вам, но не хочу, чтобы ваши люди выступили прямо сейчас – сказал принц Касим, и взял в знак того, что он доволен кусочек жареной баранины – выступление ваших людей прямо сейчас не приведет ни к чему, кроме бойни. Мои люди придут в ваши селения –

⁸ Ат Тауба (покаяние) 44–52. Эта сура единственная во всем Коране не содержит вступления «во имя Аллаха, милостивого и милосердного» поскольку содержит в себе объявление войны

примите их, как вы то обещали, проявите свое гостеприимство, о котором говорят и в горах и в пустыне. Они принесут вам в дар оружие, такое, которое лучше оружия англизов или такое же, как у них и научат им пользоваться. Вы должны хранить в тайне весь этот разговор и все эти намерения даже от самых близких своих людей. Не исключено, что англизы попытаются обольстить вас своими лживыми посулами и сладкими речами – помните же, о клятве и о том наказании, которое Аллах налагает на клятвоотступников. Помните же о принесенной клятве и не отступайте от нее: победа близка, и она принесет вашим племенам лучшее, чем то, что у них было.

– Мы не клялись тебе... – после некоторого молчания сказал шейх Ильяс

– Вы поклянетесь мне завтра – сказал принц – и станете моими законными подданными.

И тот, кто поклянется – познает мою щедрость и мою справедливость, а тот, кто не будет клясться – тому будет позволено удалиться, но позже он познает мой гнев. Что же касается узурпатора Абу – он нечестивец и педераст, он вышел из ислама и любые клятвы, принесенные ему не должны связывать ни одного правоверного, тем более шейха, желающего добра своему народу. Клянусь вам в том, что Аллах рано или поздно покарает нечестивца – и если не моей рукой, то той, которую я направлю. Аллаху Акбар.

– Аллаху Акбар...

* * *

И наутро – все они, кроме одного, поклялись своему новому господину, принесли бай'а, вассальную клятву, тем самым признав его как своего правителя и совершив мятеж против того, кто еще сидел в Шук Абдалле. Однако, и сам правитель Шук Абдаллы, нечестивец Абу пришел к власти, вступив в сговор за спиной и подло убив своего суверена – стоит ли удивляться тому, что теперь он пил питье из той чаши, которую щедро наполнял до этого сам...

Аравийский полуостров, юг. 17 июля 1949 года

Долго ли, коротко ли – но недобрые слухи о том, что творится в горах – стали доходить и до Шук Абдаллы. В числе первых, до кого доходили эти слухи – был сэр Роберт Брюс, начальник станции британской разведки в Шук Абдалле. Местные – были примитивны, они не понимали значения молчания – и говорили о том, о чем говорить нельзя. Другие слушали это – а потом шли к сэру Роберту и его людям. Они не считали себя шпионами и предателями своего народа – просто если какой-то не совсем нормальный кяфир желает платить реальными, и весомыми здесь британскими соверенами за пересказ слухов, которые ходят на базарах – то это его проблема. Соверены – никогда лишними не будут, ну а слухи... что же, это только слухи.

Сэр Роберт же понимал, что базар – это и есть центр жизни любого восточного и любого африканского города. И если хочешь контролировать ситуацию или по крайней мере знать, чего ждать в будущем – надо контролировать базар и то, что происходит на нем. Он принимал слухи, сплетни от добывающих офицеров, систематизировал их, записывал на разлинованные листы дел оперативного наблюдения, подшивал их в папки. Памятуя строгий наказ, больше не ввязывался ни в какие битвы и перестрелки, оставив все САСовцам. Впрочем, пока в Шук Абдалле было тихо, что больше походило на затишье перед бурей. Отдельные новости – он записывал в блокнот, и долго просматривал его вечерами, пытаясь понять, что ко всем чертям происходит. И что – мать их – задумали русские.

Блокнот постепенно заполнялся.

* * *

Мудерия⁹ Абд аль-Кури. Разговор двоих на базаре, достоверность проверить невозможно. По словам одного из говоривших – несколько кяфиров пришли из пустыни и принесли в дар большое количество оружия. По словам говорившего – кяфиры были белые и все это – происходило с согласия местного шейха. Оружие разошлось по рукам.

Приписка от руки

Русские? Казаки?

Мудерия Хайдад Ах. Разговор двоих на базаре, достоверность проверить невозможно. В горах – слышны выстрелы из какого-то серьезного оружия. Несколько молодых людей из населенного пункта – ушли в горы и не вернулись.

Мудерия Ар Райда ва Кусаир. Разговор на базаре: в этом районе с рыбацких судов разгружается оружие

Приписка от руки

Это самый берег. Район кишит контрабандистами и пиратами. Проверить чье это оружие – практически невозможно...

Мудерия Таммуд. Информация из казармы «Джума» – небольшой отряд правительственных войск, посланный с целью преследования бандитов в горах – пропал без вести, в отряде было шестьдесят – семьдесят человек.

Приписка от руки

Рассматривается возможность проведения карательной операции против жителей этого района

⁹ Современное территориальное деление Йемена такое: он делится на 21 мухафазу (провинцию), те в свою очередь – на 333 мудерии (района). В этом мире и в описываемый период времени – были княжества, они в свою очередь делились на мудерии для удобства обложения податями. Единого государства в нашем понимании не было, мудерии часто назывались именем шейха, который тут правил или родовой фамилией рода, который тут жил – для удобства

Мудерия Вади аль-Аюн. Разговор двоих на базаре, достоверность проверить невозможно. В этом районе замечены небольшие группы хорошо вооруженных белых. К местному населению относятся дружелюбно. Расплатились за продукты питания местными монетами.

Приписка от руки
Опять казаки?

Мудерия Аль – Мукалла. Сообщение агента, достоверность проверить невозможно. Представитель племенного ополчения пытался купить на базаре боеприпасы к крупнокалиберному пехотному стрелковому оружию британского образца. Сказал, что теперь им не страшны солдаты правительственной армии.

Приписка от руки
Где взял? Надо послать человека.

Хариб, королевство Йемен. Посланный для проверки агент, информации которого можно доверять – сообщил, что русские покинули захваченную крепость, оставив там до крайности небольшой гарнизон, не более десяти человек. Припасы – судя по всему, так же вывезены в неизвестном направлении. Город используется как транзитный пункт для переброски в горы наемников, примерно за неделю проходит семьдесят – восемьдесят человек. Оборот на базаре увеличился в полтора раза, население к чужакам настроено враждебно.

Приписка от руки
Это достоверное сообщение /подчеркнуто дважды/. Надо решать.

Сэр Роберт чувствовал, что в горах готовится вооруженный мятеж против правительства. Кто-то – скорее всего русские – поставляет в горы большое количество огнестрельного оружия, рассчитывая раскачать ситуацию. Нет сомнений в том, что в горах скопилось достаточное количество горючего материала, поднеси спичку и...

Сэр Роберт в один из вечеров взял лист бумаги и начал писать. Пытаясь понять, что происходит, и уловить хоть какую-то логику.

1. Ваххабиты.

Религия – ваххабизм, агрессивный суннизм. Крайне агрессивные и нетерпимые религиозные фанатики.

Отношение к Британии: На связи с нами – но ненадежны. Могут предать в любую минуту. Полезность сомнительна.

Отношение к России: резко отрицательное. Все русские – неверные и разрушители ислама, подлежат уничтожению

Отношение к правительству: резко отрицательное. Считают любое правительство нелегитимным, предпринимают нападения на агентов правительства с целью устрашения и добытия оружия. Идеал – возврат к общинной системе, но при правлении религиозными, а не племенными лидерами

Источник пополнения: пустынные племена, бандиты, дезертиры.

Источник заработка: наши поступления, грабежи, разбои, вымогательство

2. Идарат

Религия – извращенный агрессивный суннизм, в сочетании с троцкизмом. Апеллируют более к моральным, нежели к религиозным ценностям. Много говорят о справедливости.

Отношение к Британии: /здесь сэр Роберт долго думал, что написать/ Неопределенное. Связи нет, организация соблюдает строжайшую конспирацию. Попыток установить связь – так же не наблюдается. По моему личному опыту – враждебное.

Отношение к России: враждебное, с сочетанием как троцкистских мотивов (подавление, несправедливость), так и исламских (правление неверных)

Отношение к правительству: резко отрицательное, как и у любых троцкистов. Возможно, готовят террористические акции

Источник пополнения: молодежь племен, в основном те, кто хоть немного образован или стремится к образованию. Бандиты и дезертиры, так же лица, изгнанные из племен по решению шариатских судей. В этом – они отличаются от ваххабитов, которые уважают шариатские суды.

Источник заработка: грабежи, разбои, вымогательство, членские взносы.

3. Племенные формирования

Религия – суннизм в сочетании с местными кодексами чести и толкованиями авторитетных людей, чаще всего имеющими немного отношения к исламу.

Отношение к Британии: Неопределенное. Они слишком примитивны, чтобы ставить цели, выходящие за пределы своей мудрости и соседних. Нас они считают кяфирами, неверными – но мирятся с нашей силой и могут вести примитивную торговлю.

Отношение к России: то же самое.

Отношение к правительству: терпимое. В отличие от бандитских группировок у них есть иерархия, и они понимают всю опасность мятежа

Источник пополнения: молодежь племен

Источник заработка: часть заработка, собираемая на общие нужды общиной

4. Правительственные войска (Гвардия)

Религия – суннизм, заидизм. Религиозность используется для поддержания авторитета и обеспечения управляемости

Отношение к Британии: частично финансируются нами и работают на нас, соответственно.

Отношение к России: отрицательное. Но при этом – без открытого конфликта.

Отношение к правительству: правительственные войска

Источник пополнения: рекрутирование, иногда – найм.

Источник заработка: часть налогов.

5. Абу, правитель княжества

Тут, сэр Роберт подумал. И написал большими буквами
УБЛЮДОК.

А потом – посмотрел на часы и пошел к рации. Станция в Мирбате сейчас должна была быть в эфире, и надо было запросить самолет...

* * *

Утром – прилетел четырехмоторный Гастингс и сэр Роберт – отправился в поход, подобно бессмертному Мальбруку¹⁰. Самолет совершил посадку на аэродроме при Мирбате, но как оказалось – ему предстояло лететь дальше, до Сидры – в заливе Сидра стояла британская крейсерская эскадра...

В Сидру – они прибыли уже после обеда. Город был прибрежным, просоленным, типично восточным – с невысокими зданиями и высокими заборами. Лагерь британской армии – был расположен прямо на окраине города, и вот там было все типично-британским, от рожка, до коновязи, которую строили по традиции...

Командер Баскомб выглядел откровенно скверно: покрасневшие от жары и дующего с моря соленого ветра глаза, разводы на коже. Сэр Роберт знал, что это смесь пота, песка и наносимых ветром с моря мельчайших соленых капель воды. Разъедает кожу как кислота, бри-

¹⁰ «Мальбрук в поход собрался, Бог весть когда вернется...» – эта песня имеет длинную предысторию. Ее придумали французы перед сражением при Мальплаке 1709 году, поэтому правильное британское «Мальборо» произносится Мальбрук. Потом – эта песня приобрела зловещий смысл, стала предвестием несчастий. В частности – ее пела кормилица при дворе Людовика XVI, потом – стала петь Мария-Антуанетта, и сам Король. Закончилось все – известно чем...

танскую, привычную к холодам и умеренному солнцу – тем более. Очевидно, командер длительное время проводил вне стен помещения, что для него было более чем непривычно.

– Сэр.

– Рад вас видеть... – командер пожал руку и крикнул денщика принести чая – как видите, скоро я стану таким же просоленным ветрами путешественником, как и вы.

– Сэр, к местному солнцу невозможно привыкнуть – сказал сэр Роберт – работая на солнце без одежды, я подверг свою кожу серьезным испытаниям, и только недавно перестал себя чувствовать как грешник, терзаемый чертями...

– Это да... – сказал командер – просто удивительно, как здесь живут люди.

Денщик принес чай. Это был Эрл Грей, лучший сорт чая, продаваемый на Пикадилли-стрит. Иллюзия того, что ты дома.

– Вы срочно хотели меня видеть, Роберт.

– Да, сэр... – упоминая это, сэр Роберт давал понять, что разговор будет весьма серьезным – как начальник станции я хотел убедиться, что мои телеграммы дошли до вас

– Какие именно, мой дорогой – командер в ответ позволил фамильярность.

– За последний месяц. О нетерпимой обстановке в горах.

– О, да, Роберт, мы читали их.

– В таком случае – почему нет никакой реакции. Почему вы не посылаете помощь?

Командер выпучил глаза.

– Что я слышу. Разве мы не послали вам надежных людей, разве не увеличили численность прикрытия станции втрое?

Сэр Роберт не мог поверить своим ушам

– Втрое? Вы шутите?

Командер покачал головой

– Вовсе нет.

– Втрое... нет, я просто поверить не могу. Вы понимаете, о чем вы говорите? В горах – находятся тысячи, десятки тысяч боевиков племен. В лучшем случае – они нейтральны к нам пока – но их активно настраивают против нас. Русские – захватили крепость на границе и активно ведут оттуда работу против нас. У меня весь стол завален сообщениями о том, что в горах видели вооруженных белых людей.

– Почему это не могли быть наши люди?

Сэр Роберт достал из кармана своей походной куртки сложенный вчетверо лист бумаги и положил его на стол. Командер не притронулся

– Что это?

– Рапорт об отставке

– Почему?

– Потому что я не могу работать вслепую. Если я не достоин доверия – я прошу принять мою отставку или подобрать мне любую другую службу, на которой мне могут доверять.

Командер встал. Прошелся по палатке...

– Вот что мне в вас нравится, Роберт, так это ваше умение выкручивать руки. Право же, вы просто поразительно умеете это делать.

– Сэр, я...

Командер поднял руку

– Вы заметили, что я несколько... не соответствую тому образу британского офицера, который печатается на плакатах.

– Да... несколько не соответствуете.

– Это потому, что русские забросили сюда диверсионную группу. И она за последнее время – причинила нам больше вреда, чем нападения на дорогах с целью грабежа и разбоя.

Вот ее то – я и ловлю по всем горам. А ты приходишь ко мне и говоришь: дайте мне отставку! Черт возьми, дайте мне отставку, потому что я...

– Черт возьми, сэр!

– Потому что я обиделся! Тому, что мне не доверяют.

– Сэр, укрытие информации на Багамах нам обошлось...

– Я знаю, во что нам это обошлось, черт побери. И не мне вам объяснять, что правила есть правила, и их соблюдение обязательно, даже если однажды оно привело к большой беде...

Сэр Роберт ничего не ответил. Коммандер в сильном раздражении прошелся по палатке, затем сел на свое место.

– Черт с вами, Роберт, вы хотите знать больше? Так вот вам: вы напрасно переживаете. Вся активность в горах – находится под нашим контролем.

– То есть? – не понял сэр Роберт

– Те силы, которые русские считают своими – в нужный момент обернутся против них же. Я понятно выражаюсь, или надо продолжать?

Сэр Роберт пытался осмыслить услышанное – оно не укладывалось в голове. Неужели они всерьез думают, что возможно перенести европейский опыт интриг и политического маневрирования сюда, в горы Радфана, Дофара и Хадрамаута? Господи, неужели они... так и не поняли ничего? Здесь же не Европа. В Европе – каждый солдат подчиняется лейтенанту, каждый лейтенант – капитану, каждый капитан – майору – и так далее, вплоть до короля. Каждый гражданин или подданный – подчиняется решениям своей короны или любой иной власти. И это правило – вбито в головы каждого европейца многими сотнями лет казней, аутодафе, расправ – предательство, измена престолу считалась самым страшным преступлением. В Англии еще сто лет назад – за это полагалась не простая казнь, а квалифицированная. Заключенного вешали, потом вытаскивали из петли еще живого, вспарывали живот, вырывали кишки и бросали их в огонь. И все это было для того, чтобы каждый, до последнего человека понимал: неподчинение приказу Короны влечет за собой самое страшное наказание, какое только может быть. Поэтому в Европе, если король прикажет воевать с теми, с кем вчера дружили – ему беспрекословно подчинялись. Но не здесь. Здесь любой лидер, будь то лидер бандитской ватаги или вождь племени – всего лишь первый среди равных, и он находится на своем месте ровно до тех пор, пока его слова и действия отвечают надеждам и ожиданиям возглавляемой им группы людей. Он всего лишь обналичивает то, о чем думают все и чего хотят все. Как только он перестанет им соответствовать, его либо сместят, либо убьют. А местные – очень хорошо понимают свои интересы – эти интересы примитивны, но они отлично их понимают...

– Я считаю, – медленно и отчетливо сказал сэр Роберт, – и у меня есть основания так считать, что организация Идарат косвенно контролируется русскими. И они используют ее в качестве ударного отряда против местной власти, феодалов и олигархии. А впоследствии – и против нас. Их цель – за счет разжигания пожара в восточных княжествах взорвать Дофар, а затем – и весь договорной Оман. Потом, когда все будут измотаны войной, а власть во всем регионе дестабилизирована – они придут, вырядившись в тогу миротворцев, и построят то, что строили всегда – сильное централизованное государство, где сильное большинство угнетает и ассимилирует меньшинства. В этом – состоит их стратегический план здесь, по крайней мере, на десятилетие...

Баскомб фыркнул

– Вы забываете одно, мой друг. Идарат – да, действительно, ее могут контролировать русские. Но кто контролирует русских, а?

Сэр Роберт встал

– Со всем уважением, сэр, вы полагаете, что можно контролировать ситуацию здесь. Но это не так. Пороховой склад – не то место, где можно разжигать костер. Даже если вы сильно замерзли. Честь имею, сэр...

Забрав со стола рапорт, сэра Роберт вышел из палатки.

* * *

Как и у любого дворянина, тем более – военного дворянина – у сэра Роберта было одно качество, которого нет и не было, и, наверное, никогда не будет у простых людей. Пусть сколько угодно добросовестных – но они не ощущали личную ответственность за судьбу Империи. Это было дано только дворянам¹¹.

И потому, получив отказ, причем в не совсем корректной форме – сэра Роберт не опустил руки и не решил, что раз его непосредственный начальник не считает нужным что-либо предпринимать – то с него взятки гладки. Нет, он решил действовать дальше и так, как подсказывал ему опыт и интуиция...

У него был один союзник, который не мог «отмахнуться» от ситуации по определению. Союзник, чье благополучие напрямую было связано с тем, правильно или неправильно они смогут сейчас принять решение. И этим союзником был Абу, нечестивый правитель княжества. Тот самый, против фамилии которого сэра Роберт своими руками написал: «ублюдок». Увы, но никаких других союзников у него не просматривалось...

Абу – почти никогда не принимал людей своего народа, за исключением тех, кто имел с ним какие-то общие дела – но вот для британцев, на которых в основном и держалась их власть – у него всегда было время. Поэтому – когда сэра Роберт, вернувшись из бессмысленной поездки в Сидру, запросил аудиенцию – он сразу же получил ее...

Дворец – за то время пока он был без хозяев – чуть обветшал, но все еще держался, все-таки камень есть камень. Внутри было на удивление прохладно – архитектура была такова, что прямой солнечный свет почти не попадал во внутренние помещения, а решетки вместо стекол обеспечивали постоянную вентиляцию воздуха. В помещениях дворца – было полно гвардейцев, они лежали без дела, слонялись, играли в карточные игры, которым научились от англичан, пытались во дворе заниматься какой-то шагистикой. Перед воротами в покои стоял парный караул, британец – и местный страж ворот. Открывая дверь, британец подмигнул своему шефу: если будет приказ, он пристрелит этого жирдяя столь же обыденно, сколь сейчас охраняет...

Абу – занимал княжеские покои, но обустроил тут все по-своему – в частности, тут появился стол, типично европейского вида. За ним – в специальном кресле, сделанном на заказ и выдерживающий поистине слоновий вес, сидел правитель и читал книгу

Увидев сэра Роберта – он поднял книгу так, чтобы тот мог видеть ее название.

– Николо Макиавелли... – оценил сэра Роберт

– Да... – правитель тяжело дышал, как будто пробежал марафон, но так он дышал всегда – поразительно умная книга. Для вас. Но для нас она ничего не стоит.

– Почему же?

– У нас все решается немного по-другому. У вас – ударом меча решается то, что невозможно решить словами. У нас – начинают говорить о том, что невозможно решить ударом меча...

Сэра Роберт напомнил себе, что надо быть осторожнее. Несмотря на все свои отталкивающие черты, как внешние, так и характера – Абу был человеком на своем месте. И ситуацию – он понимал весьма и весьма здраво. Он выжил в жестоком, чуждом сострадания и милосердия

¹¹ Увы, но это так. Ответственный правящий класс формируется не годами, а столетиями, его разрушение – почти всегда влечет за собой гибель империи, пусть не сразу, а в исторической перспективе. Сталин пытался сделать из простолюдинов дворян, внушить им эту личную ответственность жесточайшей селекцией элиты в сочетании с жестокими наказаниями за безответственность – но это ему не удалось. И как только Сталин умер, элита, т. н. «аппарат» моментально взял власть и избавился от ответственности. Элита не формируется на пятилетку. И элита не формируется на страхе. Таков – один из уроков взлета и падения СССР.

обществе, он был жив, хотя его ненавидели все – купцы, феодалы, народ. Нет, никак нельзя его недооценивать...

Правитель тяжело поднялся со стула...

– Я рад вас видеть с визитом, достопочтенный сэра – сказал Абу – хотя и запоздалым...

– Ваше Величество, я явился сразу, как только позволили мои обстоятельства и мои ранения.

– Да, да... – правитель подошел к закрытому легкой, искусной резьбы решетке, через которую с гор сочился свежий воздух – и ваша неприязнь ко мне.

– Простите.

– Ваша неприязнь ко мне – повторил правитель – не притворяйтесь, достопочтенный сэра. Вы думаете, что я дикарь. Что я правлю изуверскими методами. Увы, в нашей земле по-иному невозможно. Наш народ – не признает ничего кроме силы и этим отличается от вашего.

– Сэра, я никогда... – сэра Роберт почувствовал, что начинает проигрывать

– Довольно об этом. Какое у вас ко мне дело?

– Сэра, полагаю, это наше общее дело...

– Вот как?!

Абу улыбнулся улыбкой, стеганувшей как удар кнута. Сэра Роберт моментально понял его намек – этот жирный мерзавец думает, что он пришел просить взятку! Сукин сын! Право же, того, кто берет взятки от местных – надо казнить сожжением на костре. Он не просто набивает себе карман, он опускает в глазах аборигенов Империю!

– Сударь... – надменно сказал сэра Роберт – никто не может упрекнуть меня в излишнем богатстве, но я не нуждаюсь в деньгах, и не считаю для себя возможным принимать жалование от кого бы то ни было, кроме Короля!

Абу явно был удивлен

– Но в таком случае – зачем вы пришли?

– Полагаю, что нам есть о чем поговорить, сударь.

– В таком случае, говорите... – сказал Абу, вернувшись за стол.

Сэра Роберт – коротко изложил свои подозрения...

– Вы ошибаетесь... – сказал Абу, постукивая карандашом по краю стола – увя, но вы ошибаетесь, сэра.

– Вот как?

– Да. Видите ли, я знаю о казаках. И знаю, кто их нанял. Это Касим Аль-Хабейли, человек, предавший ислам и традиции своего народа, человек, превратившийся в презренного купца – собрал армию наемников, чтобы свергнуть меня с трона...

– Касим Аль-Хабейли? Кто это?

Сэра Роберт не знал, кто это такой¹².

– Касим Аль-Хабейли – сын Самеда Аль-Хабейли, нечестивого и забывшего шариат правителя этого многострадального княжества, решившего стать вассалом многобожной Русни и ненавистного мне Белого царя.

И с этими словами – Абу лицемерно провел ладонями по лицу, словно совершая сухое омовение. Конечно, он позабыл сказать о том, что Самеда Аль-Хабейли убили с его наводки, и что по степени нечестивости и развращенности... Абу всего за несколько лет сотворил такое, чего не было за всеми предыдущими правителями рода Аль-Хабейли вместе взятыми.

– Сын Вашего предшественника?

– Увы... – Абу вздохнул

¹² В нашем мире и в наше время представить себе, что кто-то что-то не знает – практически невозможно. Не знаешь – зашел в Интернет и посмотрел. Но тогда Интернета не было, так что начальник станции в Шук Абдалле мог и не знать, кто такой Касим Аль-Хабейли.

– А кто он?

– Он купец. Купец в Адене. Самый богатый купец в Адене, он торгует с русистами и с племенами дает деньги в рост, он учился в Русне и научился так, как лицемерить, лгать, подкупать и убивать.

– И русские дали ему денег?

Абу закашлялся

– Помилуйте. Каких денег. Эта земля – забыта Аллахом, здесь ничего нет, кроме пустыни и гор, почти ничего не растет. Зачем эта земля русистам?

Насчет этого – сэр Роберт мог и поспорить.

– Но зачем он это делает?

– Касим Дхала – Абу начал растолковывать политическую обстановку начальнику станции как малолетнему ребенку – рвется к политической власти. Ему не нужна эта земля, плевать он на нее хотел, он давно ее покинул – да и его отец, не слишком то ее любил, надо сказать. Но, несмотря на это – он сын нашего народа и вынужден подчиняться его традициям и устоям. Одной из традиций, через которые он не может переступить – это тхаар, кровная месть. Кровь его отца – должна быть отмщена моей кровью – потому что все считают меня убийцей его отца и узурпатором власти. Если он не выполнит тхаар – ему ни за что не добиться места и власти на Федеральном совете. У него достаточно денег, чтобы купить себе место главы Федерального совета, и у него поддержка русистов за спиной. Но он никогда не станет правителем в Адене, пока не совершит тхаар. А Шук Абдалла – ему не нужна, зачем ему этот город...

Сэр Роберт пытался осмыслить сказанное

– То есть, он пытается убить вас в обмен на политическую поддержку в Адене?

– Можно сказать и так. Хотя он ненавидит меня. Если он поднимет против меня племена – ему удастся свершить задуманное. Сейчас он купец – но не воин.

– А нельзя... обойтись примирением?

– Почему же, можно – пожал жирными плечами Абу – в сущности, к этому мы и идем. Допустима плата за кровь, кихит. Кихит – допустим лишь в случае ненамеренного убийства или если кровную месть нельзя свершить по тем или иным причинам. Если этот негодяй увидит, что племена не поднимутся против меня, то он вынужден будет пойти на примирение. Он возьмет деньги и мой голос за него на Федеральном совете. Вот и все.

– Но для того, чтобы согласиться на кихит – он должен обозначить намерение – догадался сэр Роберт

– Вы начинаете понимать все тонкости нашей политической жизни... – ответил Абу

– А как же Идарат?

– Ха! Идарат – это общество, созданное горными бандитскими кланами. И оплачиваемое купцами, не желающими платить подати.

Что-то мешало поверить.

– И вы не считаете его угрозой?

– Абсолютно нет.

И все-таки – что-то мешало поверить.

– Видите ли... – сэр Роберт тщательно подбирал слова – я считаю, что активные действия наемников в горах прямо противоречат интересам Британской Империи в регионе и несут угрозу всем нам в этом городе. Поэтому – я просил бы содействия и помощи в пресечении этой угрозы. В моем распоряжении есть люди, способные это сделать, но нам нужен кто-то, кто сможет послужить рафиком¹³ и показать нам врага. Остальное мы сделаем сами...

¹³ Рафик – не только проводник, это сложная социальная функция. Когда военный отряд одного племени шел по земле другого, нейтрального или дружественного племени, он должен был взять рафика из числа авторитетных местных жителей. Рафик знал путь, рафик гарантировал одновременно и дружелюбие местных жителей и то, что пришлый военный отряд идет с мирными намерениями и ничего не натворит по дороге. Исполнение функции рафика было крайне почетным.

Абу потер подбородок

– Сколько это будет стоить?

– Нисколько.

– Военная сила всегда чего-то стоит.

– Это будет стоить вам клятвы верности интересам Британской короны, сударь...

Абу расхохотался, схватил колокольчик и затряс им.

– А вы мне нравитесь. Хотел бы я, чтобы у меня было побольше таких подданных. Я прикажу помогать вам. Но и вы со своей стороны – не таите того, что собираетесь делать. Я тоже – не сижу, сложа руки, и не собираюсь отдавать им трон.

На зов – зашел караульный

– Найди Али...

– Слушаюсь, эфенди... – караульный исчез

– Будьте осторожны с племенами... – сказал Абу, словно размышляя – жизнь ожесточила их и лишила что веры, что верности. Сам подонок Касим думает, что он купил их своими деньгами. Ха! Они возьмут и деньги и оружие, но потом все равно сделают все по-своему. Вот почему – я никогда и ничего им не даю...

Появился Али, начальник охраны, он был где-то неподалеку.

– Я здесь, эфенди...

– Поможешь ему... – Абу указал рукой на англичанина – и передай всем, пусть с этого дня, его зовут не иначе как Роберт-паша. Такова моя воля.

– Слушаюсь, эфенди...

Смешно. Али был его агентом – и теперь он был кем-то вроде лица над ним начальствующего. Смешно...

Они вышли из покоев правителя. Прошли в покои Али, находившиеся неподалеку. Там было скромно. Мало вещей. В углу – прислоненный сошками к стенке, стоял ручной пулемет...

– У тебя есть люди – спросил сэр Роберт – надежные люди? Те, с которыми можно пойти в горы и воевать там?

Али не удивился

– Есть. Сколько нужно?

– Человек пятьдесят. И ослы. Мне нужны ослы...

Горы, регион Хадрамаут. Вади ас-Саль. 29 июля 1949 года

Не привыкнуть никак к тишине
На войне, на войне, на войне...
Тишина это только обман – лишь обман.
По тропе крутой
По земле чужой
Мы уходим – на караван!
А. Розенбаум

Пятьдесят человек сэр Роберт попросил не просто так. Это был тот самый максимум туземных солдат, которыми могли эффективно управлять восемь бойцов САС. Два патруля – и он сам – вот и все британцы, которыми он по-настоящему располагал. Еще один патруль остался в Шук-Абдалле на всякий случай.

Сэр Роберт понимал, что несанкционированный командованием выход в горы вместе с туземными частями – может стоить ему места начальника станции. В Сидре – ему явно дали понять: высовываться не стоит. Но по-иному он не мог.

Пятьдесят человек, которых дал ему Али – были горцами, поклявшимися на Коране защищать правителя. В основном – это были представители мелких родов и кланов, которые могли выжить и противостоять крупным кланам и племенным объединениям, лишь цепляясь за власть и выступая от имени власти. По сути же – это были точно такие же разбойники, каких было полно в горах. Некоторые из них – и впрямь были разбойниками, либо приговоренными за что-то к смерти бандитским сообществом, либо – повесившие на себя кровную месть и вынужденные скрываться от общества. Последнее было широко распространено: в горах постоянно убивали, и те, на кого был тхаар – кровная месть – часто шли в гвардию правителя, рассчитывая там скрыться от мстителей. Все-таки город – не горы, а за убийство гвардейца – полагалась позорящая мусульманина смертная казнь через повешение. Это были низкорослые (в среднем на фут ниже британских солдат) лихие и даже веселые люди, которые не носили обуви и зубы которых были черны от ката, который они постоянно жевали. Кат – позволял лучше переносить нагрузки на высоте – хотя из-за его употребления человек становился раздражительным, нервным, периоды эмоционального подъема часто и беспричинно сменялись глубокой депрессией. Однако. Это были единственные солдаты, какими располагал сэр Роберт. Они были вооружены винтовками казенного образца – и на пятьдесят человек у них были два устаревших пулемета БРЭН. Сэр Роберт дал им еще два пулемета – но пока приказал не брать их с собой: пулеметчик не обычный стрелок, его надо долго учить. Восьмерке бойцов САС – он приказал вооружиться только пулеметами и снайперскими винтовками: гвардейцам была необходима поддержка.

Хорошо понимая психологию местных, сэр Роберт решил сосредоточиться на грабеже караванов снабжения. Он знал, что в горах есть группировка русских и наемников и она постоянно увеличивается, готовясь к чему то. Атаковать ее в лоб было глупо – он не знал численности этой группировки, но знал, что они с минимальными потерями для себя взяли укрепленную пограничную крепость. Гвардейцы – несмотря на всю их браваду – не пойдут атаковать в лоб сильного противника, и кроме того – к бою подключится ополчение горных племен. По правилам горского гостеприимства, позаимствованным из Корана – гость неприкосновенен и хозяин должен сражаться за него даже с родным братом, если того потребуют обстоятельства. Даже твой кровник, постучавшийся в дверь твоего дома – гость и неприкосновенен. Значит, как бы не относились к русским и наемникам племена – они встанут на их сторону при лобовой

атаке. И тогда – всей затее конец. Ну и напоследок – атакованный караван снабжения можно разграбить, а обещание богатой добычи – звало людей в бой на протяжении столетий. Пусть и он – станет главарем еще одной шайки грабящей караваны...

Сэр Роберт собрал своих людей и выступил в пеший поход. Часть ослов и мулов, которых он купил на рынке – он загрузил только бурдюками с водой. Как только они сделают свое дело – бурдюки будут пустыми и они нагрузят то, что сумели взять в бою.

Проводником у них был Рифкат. Бывший бандит и грабитель караванов, который по каким-то причинам предпочитал теперь находиться на стороне законной власти. Он сказал, что и в пустыне и в горах – караваны ходят по давно известным тропам, и перехватить их – не составит никакого труда. Путь караванов – зависел не столько от удобных дорог, сколько от наличия на пути источников воды. Людям надо пить и животным надо пить: для похода в горы в караван берут ослов и мулов, а они, в отличие от верблюдов – не могут без воды.

Для засады – он выбрал прямой отрезок караванного пути в Вади ас-Саль, одном из многочисленных вади, живущих тем, что приносят муссонные облака в сезон дождей. В отличие от безжизненной пустыни – здесь была зелень круглый год и здесь – была вода.

Но была еще одна проблема. Такие места – редкость и потому они густо населены горцами, на склонах – кипит сельскохозяйственная работа. Несмотря на то, что здесь нет телефонов – предупредить можно и другими способами, например – выслав гонца. Сэр Роберт вынужден был оставить двадцать человек в близлежащей деревне, чтобы не допустить этого, и кроме того – заплатить местным. Шейх местной деревни – небольшой и не входящей ни в одно из племенных объединений – подчинился силе и принял деньги – но было видно, что при других обстоятельствах он перерезал бы сэру Роберту глотку. Сэ ля ви...

И сейчас – сэр Роберт лежал у чудом здесь сохранившейся карликовой горной сосны вместе со своей винтовкой и ждал караван. Он расположил своих людей в линию, через равные промежутки, за выложенными вручную каменными стенами, которые нужны были, чтобы задерживать почву на горных склонах. Сигналом к атаке – должен был быть его выстрел. Он сам – отнес свою позицию на двести метров от крайнего стрелка, расположившегося на террасах. Сэр Роберт – был человеком осторожным и понимал, что смертный приговор ему уже вынесен. Среди его людей – могли быть тайные сторонники Идарата. А пуля в бою – может прилететь не только спереди...

Ну и еще – у него была винтовка с мощным оптическим прицелом – но на небольшой дистанции большая кратность прицела, скорее, помеха, а не подмога...

Караван...

Они пропустили уже несколько человек, в том числе двоих, которые не шли пешком – а ехали на ослах. По местным меркам – это богатые люди, любой, кто не ходит пешком – богач. Любой из них – мог быть проводником, посланным вперед, чтобы проверить дорогу. Оставалось надеяться, что они – ничего не увидели...

Перекрестье прицела – было наведено на камень в самом начале тропы. Оптический прицел давал отличное увеличение. Где-то в вышине – парила большая птица, похожая на орла. Может и в самом деле орел.

Еще час. Дальше – самая жара, в такую жару караван не пойдет, спрячется где-то в тени. Им надо пройти восемь миль от места засады – там, по словам Рифката бьющий из гор источник и стоянка, на которой хорошо спрятаться и переждать жару. Восемь миль за час – нереально, тем более в горах. Если они не появились – значит, не появятся до вечера. И можно будет немного поспать...

Вот оно!

На сей раз – мужчин было трое и под каждым – был осел. Они ехали странно – треугольником, острием вперед, на всю ширину дороги. И у двоих мужчин были винтовки – винтовки

здесь есть у всех, это ничего не значит, но именно эти держали винтовки в руках. А вот у того, кто ехал впереди – был ручной пулемет.

Сэр Роберт дернул за леску – к тому месту, где он лежал – была проведена линия связи из длинной, рыболовной лески. Она шла к ближайшей огневой позиции, где засела группа бойцов САС в количестве двух человек. Они могли даже общаться – азбукой Морзе, передаваемой таким вот странным способом. Один рывок – означал условный сигнал тревоги.

Мужчины – ехали на ослах и смотрели по сторонам. Точнее – каждый смотрел в свою сторону, и это выдавало их как специалистов, не раз выполнявших подобную работу. Нет... не местные. Они и выглядят не как местные – не такие низкорослые, хотя и одеты правильно...

В прицел – он уже видел лицо человека с пулеметом. Шемах, настороженные, внимательные глаза...

Внезапно, сэр Роберт понял.

Крестьяне!

На поле – нет крестьян! Никто не работает. Ни одного человека – мертвая тишина! А такого – быть просто не может!

Сэр Роберт дернул трижды – и человек с пулеметом вдруг начал притормаживать своего осла, намереваясь то ли развернуть его, то ли слезть. Но догадался он поздно...

Двое британских спецназовцев, схоронившихся у дороги – отбросили укрывавшие их одеяла и открыли огонь из пистолетов-пулеметов Стен-Пэчетт. До охранников было ярдов сто, почти предельная дистанция для пистолета-пулемета, тем более бесшумного – но это компенсировалось мастерством стрелков и плотностью огня. Сэр Роберт – увидел в прицел, как падает пулеметчик... готовы были и другие. Одного – они зацепили, и осел понес его вперед, испуганно ревя. САСовцы – успели перезарядить оружие и один из них – длинной очередью прикончил осла. Затем – они и еще трое из местных, с которыми заранее было уговорено – бросились на дорогу. Им надо было очистить ее до того, как пойдет караван.

Кровь как смогли, забросали пылью. Трупы – стащили с дороги, в том числе и труп осла. Двух живых ослов – увели подальше, они пригодятся, чтобы вывозить добычу.

Пока им везет. Не прозвучало ни одного выстрела, который был бы слышен дальше, чем за несколько десятков шагов...

Оставалось только ждать...

* * *

Караван – появился минут через двадцать. В голове – проводник, явно из местных, низкорослый, не скрывающий под шемахом свою длинную, черную бороду. Рядом с ним – человек выше ростом, он не ехал на осле – а шел пешком, широко отмахивая шаг. Вот этот... этот опасен, явно из тех, кто побывал – высокий, сухой, за спиной – похоже, автоматическая винтовка. Дальше – неровной цепочкой шли осла и мулы, их вели в поводу люди. На одном из мулов – ехал неловко свешивающийся с него человек... очевидно, либо он внезапно заболел, либо его укусила змея. Все, кто вели в поводу вьючных животных – были вооружены.

Сэр Роберт прицелился по тому, что шел в голове каравана, готовый стрелять. Он шел спокойно, поглядывая по сторонам...

В голове – машинально отсчитывались секунды. Метр за метром – караван втягивался на участок засады. Главное – чтобы у кого-то не сдали нервы...

Внезапно – осел, на котором ехал проводник – испуганно зафыркал и резко остановился. Русский – а это не мог быть никто кроме русского – тоже остановился и посмотрел куда-то вперед.

Кровь! Осел учуял кровь на дороге! И испугался!

Сэр Роберт нажал на спуск. Винтовка грохнула, картинка в прицеле на долю секунды расплылась – а когда все пришло в норму, стало видно, как русский – лежит навзничь на земле. Оглушительно громыхнул первый дружный залп. Заработали пулеметы...

* * *

Проблема была в том, что караван – втянулся на простреливаемый участок немногим больше чем наполовину. Кровь на дороге все подпортила – и после первого залпа в живых – осталось достаточно, чтобы оказать сопротивление.

В голове не осталось почти никого – но с хвоста – по позициям англичан резанул пулемет, а через несколько секунд – еще один. В караване – шли опытные люди и они сосредоточили наиболее опасное вооружение в его хвосте – чтобы при необходимости, вытащить голову каравана.

Сэр Роберт – передернул затвор, прицелился. Ярдов шестьсот. Видно хреново из-за паники, которую больше создавали животные, а не люди. Он поймал прицелом вспышки пулемета, прицелился. Через секунду – какая-то туша закрыла прицел... черт. Он начал жалеть, что не взял пулемет...

* * *

Штабной сержант Лайам Фергюсон, оставив командовать на месте капрала Скотти – поднял пинками несколько стрелков с самого начала стрелковой цепи – они тут были бесполезны – и погнал их в направлении хвоста колонны. Навстречу огню.

Несмотря на то, что караван потерял, по меньшей мере, две трети своей огневой мощи – в хвосте продолжали сражаться, используя павших под огнем животных в качестве укрытий. Сержант – различал стакатто пулеметов, но кроме них – глухие длинные очереди, сразу из нескольких стволов. Это видимо, те русские машингеверы или легкие пулеметы с короткими стволами, о наличии которых у русских предупреждала разведка. Он не был уверен в том, что у британцев есть хоть один работающий образец такого оружия.

Чтобы не попасть под огонь и не положить людей еще на подходе – он, бешено крича и хлестая свое воинство плеткой – заставил их вскарабкаться наверх, на следующий уровень террасных садов. Как и все местные воины – эти были трусами и прекращали бой при серьезном сопротивлении. Единственная возможность заставить их драться – это сделаться для них страшнее врага. И потому – Фергюсон гнал их вперед, пиная и осыпая самыми страшными ругательствами, каким он научился в шотландских горах от браконьеров.

Русские заметили их – и перенесли огонь. Засвистели пули.

– Ложись!

Пули застучали по каменной стенке, он переждал первый налет – и скомандовал: огонь! Они дали залп, он еще успел заметить какие-то странные вспышки и подумал – неужели миномет? По ним снова открыли огонь, и его люди спрятались за камни прежде, чем он подал им команду. А потом – он увидел, как стенка, за которой они прятались – разлетелась в клочья и пули подняли вверх одного из его стрелков и отбросили метра на два...

* * *

Сэр Роберт – пристрелил одного их пулеметчиков и искал второго – когда раздался оглушительный грохот, от которого мороз пошел по коже. Крупнокалиберный пулемет! А у него – как на грех всего один патрон остался...

Рисковать не хотелось – он примкнул магазин, посмотрел через прицел, ища пулемет. Он был в самом хвосте... очевидно, его везли в разобранном виде и сейчас успели собрать: он стоял в положении для зенитной стрельбы и вел огонь по склону... это был русский крупнокалиберный пулемет. Сэр Роберт прицелился, как никогда тщательно и выстрелил... промазал, пуля ударила про щиту рикошетом – и пулеметчик что-то почувствовал, и начал разворачивать пулемет в его сторону... но выстрелить уже не успел. Вторым выстрелом – сэр Роберт попал в левую руку, он видел, как брызнула кровь. Крупнокалиберный пулемет – обладает очень мощной отдачей, для стрельбы из него – надо наваливаться со всей силой на так называемые «рога» – прикрепленную к станку конструкцию с упорами для плеч. С ранением – стрелять нельзя...

* * *

Подстреленный пулеметчик, замолчавший крупнокалиберный пулемет – ознаменовал перелом в бою. Ободренные гвардейцы – с новой силой открыли огонь по дороге, и по остаткам колонны. Остающиеся в живых проводники – зло огрызались, понимая, что шансов нет и живыми их отсюда не выпустят. Три снайпера – в их числе и сэр Роберт – успокоили еще несколько человек, после чего – огонь прекратился. Гвардейцы – спустились вниз, добить раненых и разобрать законную добычу.

Сэр Роберт – спустился последним, только когда в обе стороны дороги – выставили усиленные пулеметами заслоны. Его неприятно поразило то, что среди оборонявшихся – никто не побежал, никто не впал в панику, все дрались до конца, даже понимая, что шансов нет. Это была только один караван – и его застали врасплох, следующий раз – так легко уже не будет.

Гвардейцы – копошились среди разгромленного каравана. Кто-то деловито перерезал глотки убитым и раненым, снимал с них обувь и подходящую одежду, кто-то пытался собрать в кучу уцелевших, тревожно мечущихся животных, кто-то – высвобождал груз из-под убитых животных, намереваясь перегрузить его на собственных. Сэр Роберт пошел в конец каравана, потому что именно там – были большинство САСовцев...

– Сэр...

Сэр Роберт – взял странную штуковину, которую ему протянул один из САСовцев, зачем то понюхал. Она была странной... какой-то гибрид револьвера и пулемета. Толстый ствол большого, артиллерийского калибра – еще курился дымком. Приклад из железа с мощной, похоже от автомобильной подвески пружиной. Пистолетная рукоятка, спуск как у винтовки. Дальше – что-то вроде револьверного барабана и ствол. В барабане десять гнезд. Ствол короткий для такого калибра, прямо на нем – длинная удобная рукоятка.

Интересно, как оно разряжается? А... вот.

Сэр Роберт сдвинул рычажок, как на охотничьем ружье – и оружие переломилось надвое. Вниманию сэра Роберта – предстали донца стреляных гильз, заряжавшиеся как в револьвер. Он вытащил одну, понюхал. Только что стреляная, горячая. Калибр – двадцать шесть миллиметров, как в германских ракетницах. Он видел ракетницы, установленные под стволом с рукояткой – так делали германские парашютисты, такой же автомат – стоял у него в комнате как трофей. Но десятизарядного ружья – гранатомета такого калибра – он не видел¹⁴.

– Когда-нибудь видел такое?

– Нет, сэр. Конечно, это не граната – но осколками может посесть.

Сэр Роберт повесил неизвестный образец себе за спину – у него был удобный ремень воловьей кожи.

¹⁴ Первый прототип револьверного гранатомета типа нашего РГ-6 или южноафриканского Milcoq в нашем мире был разработан в Германии в 1943 году для вооружения штурмпионеров. В серию не пошел.

– Собрать все. Готовиться к отходу. Крупнокалиберный тоже забираем, и боеприпасы к нему. Даже если придется выкинуть сухпак...

* * *

Уже в Шук Абдалле – сэр Роберт подвел баланс того, что он потерял и того, чего удалось добиться. Неприятно поразили потери – одиннадцать убитых и двенадцать раненых столь серьезно, что им требуется длительное лечение. Для засады – показатели непростительные, получается, что он потерял половину своих людей в первом же бою, и на своих условиях. Счастье, что не было потерь в САС – трое раненых, причем ни одного серьезно раненого. В САС – серьезно раненым считался такой боец, который не мог идти сам. Но это можно было понять – в бою погибают и получают ранения наименее подготовленные люди

Из того, что он приобрел – пятьдесят семь убитых врагов, из них как минимум двадцать русских. Среди остальных – тоже могли быть русские, он знал, что у русских на Востоке есть казаки, которых не отличишь от местных. Крупнокалиберный пулемет, миномет калибра восемьдесят два, который не успели распаковать (если бы распаковали, было бы очень скверно), неизвестной модели гранатомет, семь ручных пулеметов, двадцать автоматических винтовок, девять пистолетов – пулеметов, одиннадцать обычных винтовок, сорок один пистолет, ручные гранаты. Рис в мешках, необычно малое количество боеприпасов – он ожидал намного больше, чем было по факту. Еще восемнадцать уцелевших ослов и мулов – он приказал раздать их наиболее отличившимся в бою.

Неизвестного образца ружье – гранатомет – он послал с очередным самолетом в Мирбат, для разведки. И начал думать – как отреагирует противник на нападение, и что он в связи с этим предпримет...

Горы, регион Хадрамаут. Населенный пункт Шаббир. 01 августа 1949 года

Велехов – не терял даром времени с тех пор, как они ушли из Адена. Будучи изгнанным с племенного совета в связи с неприятным инцидентом, в котором не было его вины – просто сын шейха по каким-то причинам хотел стрелять в него, но выстрелил в самого шейха и убил его наповал – он привел своих людей на земли сильного клана Мунассир южной племенной федерации Мусабейн из которого происходили шейхи этой земли, правившие до того, как власть узурпировал нечестивец Абу. Аль-Авад – были южанами, ставленниками федерации Мусабейн, в то время как им противостояло объединение из группы кланов аль-Салех, из которого происходил нечестивый Абу и племенная федерация Фатима (клан Наджи Алауи). Клан Мунассир – держал выгодные и в военном, и в земельном отношении земли в вади Шакраб. Это узкое опасное место с крутыми горными склонами, покрытое зеленью из-за бьющих тут родников – истинного богатства этих мест. Из рода Мунассир – происходила мать князя Касима, обвиненная в ведовстве и наведении порчи после государственного переворота в Шук-Абдалле и забитая камнями до смерти. Люди Мунассир помнили это – и не выдали бы того, кто пришел мстить. Конфигурация Вади Шакраб была такова, что та деревня, где жил этот клан – с обеих сторон прикрывалась опасными узостями в скалах. Опытных и хорошо вооруженных людей, засевших здесь, возле воды – не смогла бы выбить отсюда целая армия...

Как сказал ему напоследок князь Касим это – последнее укрытие на землях Бейхан, на которое он мог рассчитывать

Велехов, придя со своими людьми в это место – сказал, что пришел с миром и пожелал видеть шейха. Двое молодых, вооруженных винтовками людей – отвели его в двухэтажное, жмущееся ко склону горы как ласточкино гнездо зданию – и представили шейху: пожилому человеку с длинной, седой бородой, одетому не в белое, как то положено – а как крестьянин. На носу у него – к изумлению казака красовались очки.

– Ас саламу алейкум... – поздоровался Велехов.

– Уа алейкум¹⁵, – ответил шейх. – Ты ведь неверный, так?

– Я – человек Книги – сказал Велехов – а в твоей книге, уважаемый шейх, сказано: когда вас приветствуют, отвечайте лучшим приветствием или тем же самым. Воистину, Аллах подсчитывает всякую вещь.

– Откуда ты пришел? – спросил шейх

– От твоего родственника по имени Касим – большого человека в Адене. Он сказал – если тебя будут преследовать в горах, или ты будешь страдать от голода или жажды, воистину, никто не примет тебя гостеприимнее, чем мои родственники по крови.

– С миром ты пришел – или с войной?

– С войной, шейх. Настало время восстановить справедливость на земле.

– С войной... – шейх перекинул в пальцах четки – война это хорошо... Хоть ты и неверный, будь здесь как дома.

Григорий поклонился. Достал пистолет – настоящий североамериканский Кольт, один из тех, которые они взяли в крепости.

– Рахмат, шейх. Пусть это оружие послужит тебе.

– Я слишком стар – сказал шейх – чтобы держать такое в руках. Отдай это моему внуку, и пусть он поблагодарит тебя от чистого сердца.

Молодой парень с винтовкой – шагнул вперед. Осторожно принял пистолет.

¹⁵ Короткий ответ, который принят в исламском сообществе для ответа неверным. Не все с этим согласны.

– Рахмат, неверный – сказал он, пряча в глазах недоверие...

* * *

Следующие несколько суток – казаки одновременно пытались найти некую формулу совместного существования с местными племенными ополченцами, учили местных некоторым приемам войны в горах – но без фанатизма и укрепляли свои позиции в этом районе. Велехов – выслал несколько разведывательно-снайперских групп с местными проводниками, строго наказав им не удаляться более, чем на один день пути. Надо было провести разведку ближайших окрестностей и определить места для скрытых постов. Кроме того – Григорий приказал искать место, пригодное для постановки вынесенного лагеря. Он не хотел злоупотреблять гостеприимством местных и хорошо помнил правил, общее для Востока: гость может рассчитывать на три дня гостеприимства, потом еще на один – Аллах сосчитает это, а все что свыше – уже саадака. Не доверял он до конца и своим людям: одно дело командовать родной полусотней, в которой нет никого, с кем бы ты не рос бок о бок, с кем бы не играл в игры и не дрался с чужаками – а совсем другое, командовать отрядом собранных неизвестно где наемников. Григорий объявил только, что если кто намеревается совершить какое непотребство в отношении местных – то лучше ему застрелиться сразу.

Григорий ждал караван с пополнением и боеприпасами. Но караван не пришел...

Через два дня – пришедший в село путник рассказал о том, что гвардейцы – сильно обогатились, разграбив караван, и теперь об этом – судачат по всему рынку, ибо у гвардейцев появились деньги. Судя по описанию того, что предлагалось на продажу – этот караван был как раз тем, который и ждал Григорий.

Григорий – думал целый день, и думы его были невеселыми. А на следующий день – с самого утра он пошел к шейху. В доме его не было, испуганна женщина – горянка, прикрывая лицо платком, сказала, что все мужчины в горах, работают...

Шейха – Григорий нашел на одной из горных плантаций, образованных каменными заборами и принесенной неизвестно откуда землей: он работал наравне со всеми. На просьбу Григория выслушать его – он откликнулся, они отошли в сторону – и он послушал все, что сказал ему казак, не перебив ни разу. Потом он спокойно заметил.

– Ты умнее, чем ты казался. Хотя и неверный.

– Почему?

– Потому что ты пришел ко мне. Глупец бы – начал действовать сам, и оглянуться бы не успел, как бы потерпел поражение, а его останки – растащили бы звери. Умный отличается от дурака тем, что умный знает, что он не знает. И обращается к знающему человеку, чтобы учиться.

– Так что же мне делать? – спросил Григорий

– А что ты хочешь делать?

– Сражаться с людьми Абу.

– Для этого тебе нужно оружие, казак. Нам всем нужно оружие, так?

– Но его у меня украли! – начал нервничать Григорий

– Не кричи, казак. Смири коня гнева своего уздечкой благоразумия. Его украли – но разве уничтожили? Оно есть – просто на базаре, а не у тебя. Верни его себе.

– Напасть на базар?

Шейх поцокал языком

– Я, наверное, переоценил твой разум. Кто же тебе даст напасть на базар, ведь базар – в умах людей не уступает по святости мечети. И если ты нападешь на базар, то восстановишь против себя все племена и всех людей до единого!

Григорий знал, что это было правдой. Какими бы ожесточенными не были столкновения – базар всегда оставался территорией мира. Ограбить базар – дело просто невысказанное. Базар – место, где прекращались все споры и дразги, базар – место, где никто не посмеет обидеть неверного, будь у него деньги. Базар – наверное, будущее Востока.

Старый шейх лукаво посмотрел на Григория

– Ту крепость, которую не возьмет тысяча сильных воинов – возьмет всего лишь один осел, нагруженный золотом. Если ты не можешь прийти куда-то как воин – приходи туда как покупатель и ты не лишишься ни толики уважения в глазах людей. Даже наоборот – умело торгуясь, ты приобретешь его, неверный...

– Но у меня нет денег.

– Тогда опять – поступи как воин. Возьми их.

– У кого же?

Шейх почесал бороду

– На твоё счастье, неверный – нечестивый Абу, убийца и узурпатор – собирает деньги с тех, с кого сможет один раз в месяц. Он говорит – платите. И все платят...

– И вы платите?

Шейх вздохнул

– И мы, платим. Где-то я слышал одну мудрую мысль: если тебя заставили поклониться, и ты ничего не можешь сейчас сделать – поклонись очень и очень низко. И помни об этом до тех пор, пока не представится шанс отомстить. Наших денег будет недостаточно для тебя, неверный. Но я тебе расскажу, где ручейки сливаются в одну реку.

Григорий покачал головой – он все-таки был русский.

– Но это грабеж. Право же, я пришел сюда не грабить.

– Ты разочаровываешь меня, русский. В шариате сказано, что мусульманин должен платить закят и давать милостыню – саадаку. Вместо этого нечестивый Абу – а он, кстати, учился в самой Мекке и знает шариат – берет с нас столько, сколько сможет, гореть в аду его черной душе. Значит – он вор и все эти деньги – украдены. А ты, отобрав их и купив на эти деньги оружие, которое у тебя отняли – не только восстановишь справедливость – но и заслужишь уважение в глазах людей. Все знают, что люди нечестивца, вместе с проклятыми англичанами ограбили тебя, забрали то, что принадлежит тебе. Это не прибавит уважения ни одному мужчине, если его ограбили. Но если ты отнимешь деньги у нечестивца и на эти же деньги купишь то, что у тебя отняли – право же, люди будут слагать легенды от твоей находчивости. А уважение людей – это то, что тебе поможет победить.

Григорий кивнул – теперь он понял

– Хвала Аллаху, свят Он и велик, что он послал на моем пути такого мудрого человека как Вы, уважаемый шейх.

– Аллах над всякой вещью мощен – поднял назидательно палец шейх – и даже ты, неверный орудие в его руках. Может, он послал тебя для того, чтобы мы смогли – таки избавиться от позора и унижения, которое мы испытываем каждый день от нахождения под несправедливой и нечестивой властью. А может – и нет. В любом случае – пусть все будет так, как задумал Аллах...

* * *

Нечестивый Абу – принимал дань деньгами, желательно золотыми – но не отказывался и ни от чего другого, в частности – в качестве средства расчета подходил опиум, который выращивали тут во множестве¹⁶. Их охраняла гвардия, груз – грузили на ослов и доставляли из

¹⁶ Напомню, что в нашем мире только в начале 70-х в Англии героин и кокаин были исключены из списка лекарственных

горных селений в центр мухафаз, административного аналога провинций княжества. Собирали дань феодалы, у которых были собственные бандитские группы и отряды наемников, при необходимости – им придавалась гвардия. Каждый феодал – был хозяином в своей мухафазе, но только до тех пор, пока сдавал оговоренную часть добычи в общую казну. Все остальное – а доля этого остального не оговаривалась никем – оставалось ему и его воинству. Смена наместников происходила очень просто: кто хотел им стать, тот должен был или пообещать Абу сдавать больше, или убить предыдущего наместника – но в этом случае Абу мог «утвердить назначение», а мог и послать войска. Что касается техники сбора дани – где-то дань привозили сами данщики, показывая тем самым покорность и претерпевая унижения – а где-то за данью ездили. Причем те, кто ездил – нередко тоже брали больше, чем приказано – на свою долю. Каждый – получал в этой системе свое – кроме тех, кого безжалостно обирали. Их мнение – не интересовало никого...

Григорий – а он должен был идти впереди – твердо ступал по иссушенной солнцем, каменистой земле, приближаясь к небольшому, грязному городку, присутствие которого ощущалось по дыму и непередаваемой вони. Он – а с ним еще трое и двое местных – сопровождали двух мохнатых осликов, нагруженных переметными сумами. Ослики – покорно трусили по дороге, везя положенную от племени дань феодалу по имени Абу Хурайша – бывшему купцу, который собрал банду наемников, скупил некоторое количество земли и стал землевладельцем. На его земле – не выращивалось ничего, кроме ката и люди судачили о том, а платит ли Абу Хурайша подать со своих земель или все-таки нет. Судачить можно было много – вот только время разговоров прошло. Настало время действовать...

Рядом с ним, чуть отставая на шаг – ступал парень по имени Джасим. Молодой, необычно высокий для горца – он не скрывал свое лицо, а помимо винтовки – у него был теперь пистолет на поясе, тот самый Кольт, который он носил с большой гордостью...

– Скажи, рус... – говорил он – а почему вы почитаете пророка Ису, но не отдаете должного Пророку Мухаммеду, да приветствует его Аллах. Разве это правильно, ведь Пророк Мухаммед родился позже и был последним из тех, кого послал на землю Аллах...

– Нас крестили по вере Исы – ответил Григорий – и разве ты не знаешь, что запрещено обращать в религию ислам насильем.

– Да, я знаю это – ответил Джасим – потому я и говорю с тобой, надеясь, что ты уверуешь...

– А разве хорошо это – отказываться от веры отцов?

– Наверное, нет – смутился Джасим – но все равно, каждый человек должен принять ислам, только тогда мы будем жить в мире. Ты лучше скажи мне, рус, правда, что у вас женщины ходят, не закрывая своих лиц...

– Правда. А откуда ты знаешь?

Джасим немного смутился

– Мой брат уезжал... работать. Он говорит, что там есть много такого, чего нет в горах. И что там женщины не закрывают лиц, что харам.

– Почему же это харам?

– Потому что лица не закрывают только рабыни – сказал Джасим – и проститутки...

Но по голосу его – было понятно, что сам он – был бы не прочь хотя бы посмотреть на женщин руси, не закрывающих лиц...

препаратов, до этого их мог выписывать любой врач. Опиумный мак – выращивался во многих странах, в частности в СССР, в колхозах, об этом вспоминает Э. Абдуллаев в своей автобиографической книге. Он же вспоминает, что опиумная паста использовалась в повседневности в частности, при боли в зубах и расстройстве желудка. А например в 1917 году в Петербурге кокаин был и вовсе предметом повседневного обихода, наркоманами были многие большевики, в частности Дзержинский. ЧК – почти поголовно.

– Послушай, Джасим... – сказал Велехов – у каждого народа есть свои обычаи, и мой народ – ничуть не хуже других и вправе иметь свои. Вы закрываете своим женщинам лица – а мы не делаем этого, и знаешь, почему? Потому что мы уверены в верности своих женщин, даже если есть соблазны. Наши женщины любят нас и верны нам, даже когда мы ушли в долгий поход. Разве это не хорошо – иметь такую жену?

– Наверное, хорошо... – неуверенно согласился Джасим – но ты должен знать, руси, что мы закрываем своим женщинам лица не только для того, чтобы заботиться об их верности. Нечестивец и его люди – нередко требуют дань женщинами. И лучше, чтобы люди нечестивца не видели их лиц...

– Почему же вы терпите такое...

Они уже шли по улице

– Мы не терпим! – вскинулся Джасим! – я сам...

И осекся

– ...вступил в Идарат – продолжил за него Велехов – верно? Это ты хотел сказать?

Джасим угрюмо молчал – Велехов уже знал, что в Идарате лишние разговоры караются смертью.

– Пообещай мне одну вещь, Джасим – сказал Велехов – поклянись могилами предков, что если мы останемся живы, ты сведешь меня с людьми Идарата

– Зачем тебе это, руси?

– Хочу поговорить с ними.

Джасим немного подумал.

– Хорошо. Я скажу им, что ты хочешь их видеть.

– Поклянись могилами предков, что сделаешь это...

В отличие от клятвы Аллахом – клятва могилами предков была обязательна для исполнения неверному

– Хорошо... клянусь могилами предков...

* * *

Абу Хурайша – жил в большом доме прямо в центре городка, дома, огороженного большой стеной. Он был каменный, как и все богатые дома – камень и цемент, замешанный на кизяке и глине. На первом этаже – как и положено, были казармы личной стражи, на втором – жил сам Абу Хурайша вместе с родственниками, прислугой и гаремом...

Они остановили своих ослов прямо перед воротами. На них – не было даже кольца, и они были обиты редкой в этих местах сталью – стальными листами.

– Готовность... – негромко сказал Велехов

Джасим – поднял камень и трижды стукнул в ворота. Через какое-то время – отозвались.

– Кто?

– Джасим. Сын Абу, внук Джалиль-Хана, правнук Али-Хана

– Зачем?

– Привез положенное.

Что-то лязгнуло. Выглянул человек, подозрительно осмотрел их. Бросилось в глаза, что у него – пистолет-пулемет, а не обычная для гор винтовка.

– Почему с тобой так много?

– Это для тебя много? – презрительно бросил Джасим – в горах бандиты...

Страж ворот еще раз осмотрел небольшой караван и решил, что шестеро – в любом случае ничто против более чем пятидесяти человек.

– Заходи. Только быстро...

Они вошли во двор, мощеный камнем – и с этого момента все пошло наперекосяк.

Во дворе были лошади. Невысокие, почти пони, неприхотливые горные лошади – но они были и не одна, и это значило, что в доме были гости. Это первое. Второе – у самого дома, в тени какого-то дерева – стояли и разговаривали люди. Бросились в глаза светлые волосы одного из них – и висящий за спиной пистолет-пулемет с магазином в рукоятке, богемский.

Кровь бухала в ушах, Велехов считал секунды – он не собирался ввязываться в бой с ходу. Но это – был явно англичанин, и ничего хорошего от него – ждать не приходилось.

И, правда – они были где-то на середине довольно узкого мощеного камнем двора – когда англичанин настороженно обернулся... скорее даже не обернулся, а просто глянул назад, привычка постоянно контролировать ситуацию. Глянул... и начал поворачиваться уже всем телом, что показывало – увиденное ему не понравилось.

– Аллаху Акбар! – выкрикнул Велехов и, выпростал из-под куртки кургузый пистолет – пулемет Маузера...

Длинная очередь на весь магазин – раскидала стоящих, не выбирая, кто есть кто. Крик «Аллаху Акбар!» был сигналом к нападению...

* * *

При внезапном нападении – у нападающего всегда есть несколько секунд, прежде чем обороняющиеся – любой численности – очухаются и начнут предпринимать что-то осмысленное. Это правило действительно при любом превосходстве противника – десятикратном, стократном – неважно. Главное – что за это время успеешь предпринять ты.

Велехов – успел сменить магазин на длинный, сорокаместный, и оказаться у самого здания. Первый этаж – был построен нетипично для местных зданий, окна были очень маленькими и напоминали скорее бойницы. Вот туда – Велехов и пропихнул переделанную противотанковую гранату – ее заряд взрывчатки в один и четыре килограмма в закрытом помещении был смертелен: люди погибали от мгновенного повышения давления и контузии внутренних органов¹⁷.

Сам он упал на землю – и неспроста: долбануло так, что даже каменная стена не выдержала. Часть стены – вывалило взрывом, камни – полетели во все стороны, часть на него. Он оглох и подумал – все, отбегался вольный казак...

Потом – он почувствовал прикосновение рук и трепыхнулся... подумал, что враги. А они... если они добрались до него, то явно сейчас отрежут голову.

Но это – были не враги. Казак по имени Маркел, его земляк по Дону с одиннадцатого донского полка – схватил его и потащил куда-то.

Окончательно – он пришел в себя через несколько секунд. В голове шумело, как после хорошей попойки, да саднило голову в одном месте, где ее рассекло летящим камнем – но в глазах не двоилось. От ослов – один из которых был убит и сейчас использовался как баррикада – по второму этаже длинными очередями хлестал пулемет – на подавление, не давая высунуться...

Надо идти. Приходи в себя... сколь раз с коня падал, тютя! То-то же. Вставай и дерись...

– Что... там... – прокаркал он

– Несколько на втором этаже засели. Автоматы у них...

– Вставай... за мной.

Свой автомат он перезарядил. Где Джасим и второй горец – он не видел.

¹⁷ В нашем мире – противотанковая граната Пузырева. Она не кумулятивная и ее бросок смертелен для бросающего: бросить можно максимум на пятнадцать метров – а по факту, подобрившись к танку почти вплотную. Если бросать под днище – ударная волна убьет бросающего почти гарантированно. Магнитных мин как у фашистов – в Красной Армии не было

Пыль и дым – частично прикрывали их. Они вышли из-за угла... дымом курился пролом, сделанный взрывом гранаты. Григорий перекрестил темноту автоматными очередями, и сунулся в него... нога попала на что-то мягкое, но разбирать было некогда. Ничего не было видно, автомат гремел где-то совсем рядом, потом – загремели пистолетные выстрелы, так часто, как будто тоже стреляли из автомата. И наступила тишина...

Они попытались пройти дальше – и не смогли. Обвалился пол.

Кашляя... пыль, дым, дышать было даже тяжело – они выбрались назад, на улицу. Казак – пулеметчик – молодец, без команды развернулся, прикрывая ворота. С пулеметом Браунинга – он мог наделать немало дел...

Они начали обходить дом в поисках пути наверх – и нашли, что с другой стороны есть каменная лестница, и она то и есть путь наверх, на второй этаж. Без команды – казаки выстроились в короткую штурмовую колонну: первый все внимание и ствол оружия вперед, второй – на сорок пять вправо, третий – на сорок пять влево. Дружинным шагом – тронулись¹⁸...

Дверь на второй этаж – настежь, внутри – удивительно нежарко для такой жары за дверьми. Внутри – дверей нет, а есть занавеси, завешивающие дверные проемы. Опаснее их – нет. Они ни от чего не защищают, и то, что внутри комнаты – не видно, а вот из комнаты в коридор смотреть – видны ноги. Пулю послать – запросто...

– Справа дверь – негромко сказал Григорий.

Двое – ворвались внутрь, он остался в коридоре прикрывать. Для зачистки такого здания – необходимо человек восемь – девять, но если совсем приперло – можно справиться и втроем...

– Чисто...

Они продвинулись дальше. Это было медленно – но только дурак спешит во время зачистки помещений

– Слева дверь...

Два казака – нырнули туда.

– Господин сотник...

Поняв, что происходит что-то неладное – Григорий оставил без прикрытия коридор и вошел в комнату...

Комната. Похоже, женская половина. Пахнет благовониями и кровью, тюфяки на полу – это тут вместо кроватей, арабы не спят на кроватях. Какие-то мешки, в углу – что-то, наподобие места для еды. Один из горцев – держит сгрудившихся в углу женщин, черных как ворон под прицелом пистолета, Джасим, зажав одну из женщин меж ногами и держа ее голову за волосы, деловито, как барашку, режет ей горло кривым фамильным кинжалом. Еще две женщины – лежат у его ног в расплывающейся луже черной как нефть крови. Самое удивительное – что все это происходит почти в полной тишине, ни та, которую убивают – не кричит, а только хрипит и булькает горлом, ни те, которые ждут своей участи – не сопротивляются.

Григорий – шагнул вперед, ударил со всего размаха. Несмотря на то, что Джасим выше и сильнее его – против казака, поднаторевшего в жестоких кулачных схватках стенка на стенку – он жидковат. Тем более что арабы драться совсем не умеют, в их культуре не принято драться. Внук шейха – тяжело падает на пол, пытается встать, что-то шипит – но Григорий повторно отправляет его на пол увесистым пинком. Тишина...

– Что ты делаешь, друг? – спрашивает Григорий – разве Аллах велит тебе делать именно это? Разве так – ты должен поступать по шариату? Или для тебя весь шариат – ограничивается пятничным намазом, а?

¹⁸ Опять-таки напоминаю – к этому времени у России почти тридцатилетний опыт войны на Востоке и семьдесят лет опыта борьбы с внутренним терроризмом – так что современные приемы антитеррористической борьбы вполне тут уместны, они появились вследствие наработки опыта. Дружинный шаг – согласованный шаг, его можно увидеть на занятиях спецназа, особенно во время работы со щитом

– Ты ничего не знаешь про шариат, русский... И про нас ты тоже не знаешь...

От запаха крови, то ли от чего другого – к голове подступает боль. Звенит в ушах.

– Так расскажи мне, друг, про шариат то, чего я не знаю. Где, в какой суре Корана – сказано, что надо резать женщин как свиней? Только не лги, потому что я прочитал Коран весь. Пусть я даже и неверный...

Перед глазами – красноватая пелена, но рука, сжимающая автомат – по-прежнему тверда. Джасим смотрит на направленный на него ствол – и, наверное, понимает, что нажать на спуск и перепилить его пополам – секунда...

А может – ему плевать. Арабы фаталисты, они верят в то, что если Аллах что-то предопределил, то значит – так тому и быть...

– Ты ничего не знаешь про нас, руси... Когда эти люди – хватают наших женщин на дорогах и продают их в рабство в прибрежных городах как скотину. Когда на нас охотятся как на диких животных. За все за это – придет расплата... нашей рукой. Я мужчина и я знаю, что делаю...

– Ты мужчина? Разве ты отличился в бою? Или ты мужчина, потому что можешь зарезать женщину?

– Я убил немало врагов, руси, и сегодня тоже. Они в другой комнате... просто мы зашли с тыла. А теперь – я убиваю этих женщин, чтобы они не понесли от наших врагов и не родили тех, кто будет убивать нас. Так надо...

Григорий вдруг почувствовал, что пол уходит из-под ног...

* * *

Он пришел в себя уже почти сразу же, когда его тащили наружу. Видимо, долбануло его взрывом намного сильнее, чем казалось. Он свалился прямо там, в комнате – и только это оставило Джасима в живых. Он пристрелил бы его – несмотря на последствия.

– Господин сотник. Господин сотник...

Григорий оттолкнул руку

– Цыц. Цыц, говорю...

Хреновое дело. В горах будет еще хуже – от нагрузок...

– Обыскать дом до конца... Ищите ... за чем мы пришли. Меня здесь оставьте...

– Господин сотник...

– Цыц. Выполнять...

* * *

Стало немного полегче, как только он сунул под язык коричневый катышек опиума. Звон прошел, в голове осталась какая-то приятная пустота и спокойствие. Этому – он научился на Востоке на действительной – и хоть знал, что будет, если начать злоупотреблять – иногда это было на самом деле необходимо.

Вышли двое казаков, затем – один из горцев. Они несли мешки... довольно тяжелые, уже подготовленные к транспортировке. Следом за ними – вышел Джасим. Как ни в чем не бывало – подошел к Григорию.

– Не получилось... шайтан его заберит. Ушел.

– Кто? Ушел?

– Этот мерзавец, Хурайша. Его не было в доме. Уехал утром со своей стражей. Нам надо поторапливаться уйти в горы, пока гонец не нагнал и не сообщил. А гонца – уже отправили.

Григорий поднялся – на удивление твердо.

– Между нами кровь, Джасим... – сказал он – мы на одной стороне, но между нами кровь.

– Кровь этих женщин? Разве они твои?

– Не мои. И все равно – между нами кровь.

Джасим опустил глаза, подбирая ответ. Казак был неверным – но явно не из тех, кого следовало делать своим кровником. К тому же – Джасим был почти вдвое младше казака и искренне не понимал, что он такого сделал.

– Война будет долгой, Руси – подобрал он, наконец, ответ – и не все из нас обмакнут пальцы в кровь поверженного врага. Аллах рассудит, кто из нас прав...

– Аллах рассудит... – согласился Григорий – но если ты так сделаешь еще раз, я не буду ждать Его решения...

* * *

Минут через пять – они вышли на улицу, с оружием, своим и трофейным, погоняя нагруженных ослов. Никто не посмел их остановить...

* * *

Сомлел Григорий – уже в дороге и в ущелье – прибыл уже в бессознательном состоянии. Горцы не знали лекарств – но знахари у них были и неплохие. Сотника казаков Григория Велехова отдали знахарям и те взялись за его лечение...

Горы, регион Хадрамаут. 10 августа 1949 года

Наилучшие слова – слова произнесенные мечом, и будет так, пока не отомстим за всю несправедливость! И призренные ведь посмели ругать посланника правоверных.

Святъни бы не осквернили наши, если б были под защитой львов они. На нас напали самые никчемные из бандитов. Так где же наши сабли? Они забыли нашу непокорность, что мы защищаемся как львы. Мы те, чьи кони растоптали троны персов!

Нашид. "Наилучшие слова – слова произнесенные мечом"

Григорий – встал на ноги довольно быстро – мастерство местных знахарей дало о себе знать. Все-таки местная медицина, хоть и совсем не использующая достижения медицины цивилизованных стран – имела немалый опыт в лечении самых разных ранений и контузий, а Григорий – был крепким, просоленным потом и пропыленным ветром казачиной, повидавшим немало. По истечении нескольких дней – он уже не падал в обмороки, твердо стоял на ногах и попадал в цель из винтовки и из автомата. Головная боль – иногда возвращалась, но это можно было терпеть, тем более что приступы были все слабее и слабее. Григорий – отметил, что надо с этим завязывать... это была его третья или четвертая контузия, а обновлять раз за разом – дело совсем скверное. Хотя... не мы выбираем войну, а война выбирает нас...

Джасим несколько раз показывался в селении, мрачный как туча – но ничего не сказал и тем более ничего не сделал. Григорий – был под покровительством его деда, его нельзя было убить – тем более что он бы гость. Бежать... да, он мог взять и уехать, он знал, куда надо идти, чтобы наняться на прииски. Но тогда он потеряет намус – уважение людей и главное – самоуважение, потому что намус объединяет эти два понятия. Он искренне не понимал, что он сделал такого, зарезав этих женщин, в горах всегда так поступали, чтобы не плодились враги. И он понимал, что русский, как мужчина и воин – не сможет отступиться от сказанных им слов – пусть они и были сказаны в болезненном состоянии...

Оставалось ждать, как рассудит Аллах Всевышний...

В один из дней после налета на город – Джасим спешил домой. Это был вечер, и отец послал его в дом, дабы принести необходимый сельскохозяйственный инструмент на поля: иначе бы он остался в полях и так и спал бы под звездами. Уже стемнело... был тот самый момент, когда солнце – уже закатилось за горные кручи, ушло в сторону Адена – но луна еще не заняла его место, и Аллах – не рассыпал по черному бархату неба бриллианты звезд. Спеша – он не смотрел особо по сторонам, и, преодолевая подъем – не понял, что на нем кто-то есть, пока не столкнулся почти лицом к лицу...

Это был русский. И у него была палка – что-то вроде длинного шеста, который используют в горах пастухи, чтобы перепрыгивать небольшие трещины и провалы...

– Я хочу напомнить тебе о твоём обещании – сказал русский. За то время, пока он был в горах – он сильно оброс бородой и стал похожий на одного из местных, из тех, кто не стрижет бороды¹⁹.

– О каком обещании, русский? – сказал Джасим, чтобы немного потянуть время.

– Ты не помнишь своих обещаний? Ты должен свести меня с теми, кто ищет справедливость в этих горах...

Джасим покачал головой

¹⁹ То есть, на исламского экстремиста. В горах не принято носить длинную бороду, особенно летом, а люди высокого положения – иногда и вовсе бреются, чтобы подчеркнуть то, что у них есть бритвенные принадлежности и что они близки к англичанам (или русским).

– Ты болен и не можешь идти туда, русский

– Болен я или здоров, о том знает лишь Аллах Всевышний... К тому же – разве ты не знаешь о том, что шахидом на пути Аллаха становится и том, кто пал в сражении, и тот, кто упал с коня на пути к нему и сломал шею или умер от болезни.

Джасим испытал раздражение – от того, как русский свободно оперирует понятиями из ислама и побеждает его на его же поле...

– Ты не правоверный, русский. И ты не идешь по пути Аллаха. Поэтому – и шахидом тебе никогда не стать...

И с этими словами – Джасим обогнул стоящего на тропе русского и исчез в сгущающейся темноте...

* * *

Но забыть свои слова и свое обещание – Джасим не мог. И потому – через три дня, он постучался в дверь дома знахаря, где приходил в себя Григорий...

У Григория были люди. Несколько казаков из наиболее опытных, в том числе и Петро Кательников. Обсуждали, что делать дальше – казаки, если действуют сами по себе, никогда не принимают решение кем-то единолично. В любой казачьей роте или полуроте – есть небольшой коллективный орган принятия решений – Круг. В казачьих войсках есть хорошо известный Войсковой круг, но это орган скорее официальный, а те круги, которые собирают казаки в таких ситуациях как эта – имеют мало общего с официальным. Они обычно даже не выбираются – казаки знают, кто из них опытней и решительней остальных. И душой никто не кривит – неверное решение ведет на смерть...

Григорий молча посмотрел на Джасима, одетого по походному, с длинным посохом в руке и винтовкой за плечами. Ничего не сказав, вернулся назад, начал натягивать укороченные, десантного, а не казачьего образца полусапоги, которые обычно носил.

– Ты куда? – спросил Кательников

– На кудыкину гору... – буркнул Григорий – скоро вернусь.

– Вот так голос. Ты чего, атаман...

– Надо кое с кем встретиться. Не ходите за мной.

Кательников встал со своего места, глянул в окно.

– Атаман... ты здоровый, чи как? Тебя ж там зарежут.

– Иншалла...

– Тю... совсем спятил... – выразил свое мнение еще один из казаков, бровастый и бородатый Кузьма Степнов, отличный, почти уникальный пулеметчик, попадающий из Максима в стеклянную банку за версту и умеющий вести огонь накатом²⁰.

Кательников – схватил Велехова за руку

– Ты чего, атаман. Опомнись...

– Выйдем.

– Здесь говори. С каких пор у тебя – от казаков секреты.

– Да не от казаков... – Григорий показал глазами на стену. Там и жил знахарь, точнее – знахарка. И кому она может пересказать разговор – то одному шайтану известно...

Вышли – втроем, Степнов с ними. Было уже совсем тепло, почти по-летнему. Для гор Хадрамаута это означает – выше тридцати в тени...

²⁰ Старое и забытое сегодня умение, ушедшее в прошлое с пулеметчиками старой школы. Огонь накатом – значит, огонь по минометной траектории, по не видимой цели, например, по пехоте противника с обратной стороны холма. Сейчас такое считается невозможным – а ведь тогда были и такие мастера

– Ты чего, атаман, с аллашниками говорить собрался? Да они тебя... на нас на всех приговор Шуры, забыл²¹?

– Да не с аллашниками. Про Идарат слышали?

– Это эти... сицилисты что ли? Еще хлеще...

У казаков и «сицилистов», то есть членов социалистических партий, таких как эсеры или большевики – кровь была с двадцатых. В те годы – обе стороны буквально вели охоту друг за другом, доходило даже до взрывов у казацких казарм. Одни были «сатрапами царской власти», другие «бунтовщиками и мятежниками». До сих пор в крупных городах – многие не подавали казакам руки, и если случался в обществе человек в казачьих чинах – вставали и уходили. Война к этому времени уже прекратилась... но горячая, а холодная – по-прежнему продолжалась. Две части общества – большая и малая – продолжали жить в одном государстве, смертельно ненавидя друг друга.

– Да какие тут сицилисты... – с досадой сказал Григорий – ты вокруг глянь. Ну, какие тут к шайтану сицилисты?

– Какие... сицилисты везде есть.

– На него посмотри – Григорий указал на молча стоящего в стороне Джасима— какой из него сицилист?

– Так и те тоже сицилистами с рождения не были – вступил в разговор Степнов – по ниверситетам нахваталась, револьвер купили и вперед. Это запросто...

– Там – никому и тридцати лет. Щенята они. Справедливости хотят. Скажи – много тут справедливости вокруг – а?

– Какая тут справедливость?

– То-то и оно. А они ее хотят. Надо с ними поговорить. Несправедливость – там, во дворце сидит. Скинуть ее – и можно что-то новое начать. Надо им это сказать. Не сказать – они против нас воевать будут. Нам это надо?

– Тю... будут они тебя слушать.

– Будут. Так, казаки, решайте. Если я атаман, так будьте добры слушать. Нет – так и долой, делайте выборы новые, пусть другой атаман будет. А я все равно пойду.

Кательников вздохнул

– Один то не ходи.

– Если всей сотней пойдет – так с ними брухнемся. Если один пойду – стрелять они не будут. Поверь моему слову...

Кательников – проводил взглядом атамана, наклонился к Степнову – у того от постоянной стрельбы был совсем худой слух.

– Давай за Митрием. Пусть следом дует...

* * *

– Долго идти то?

Джасим, выносливый, крепкий как молодой бычок – коротко усмехнулся

– Как Аллах даст.

И, смутившись от того, что так ответил человеку, который вдвое старше его – пояснил

– Я сам не знаю. Они сигнал дадут. Я никогда не знаю, где они, мне говорят – иди там то. А они сами нас найдут...

– Понял.

²¹ То есть смертный приговор по законам шариата. Практически все опытные казаки в старших унтер-офицерских и офицерских чинах были приговорены к смерти

Григорий оценил – умно. Очень умно. Даже слишком умно для движения, которому всего несколько лет и которое зародилось в нищих горах некогда захудалой и никому не нужной провинции Османской империи. И ясно, что местные – такие методы измыслить не смогли, тут приложили руку матерые подпольщики

Они шли по тропе, которую использовали лишь пастухи для перегона своих стад. Надвигалось лето...

* * *

Сигнал дали, когда они прошли больше десятка верст. Полсуток пути.

Сигнал – был подан солнечным зайчиком, отразившимся от отполированной до блеска плоскости металлической коробки. Такие коробки – были у каждого мужчины в этих местах без исключения, в них носили гашиш, кат, иногда сигареты, если у кого были на них деньги²² или даже сами деньги. В оригинале – это были металлические коробки из под британского чая высшего сорта, британские колонизаторы, попив чайку коробки выкидывали – а местные подбирали. Полировали до блеска и носили с собой, так у каждого – было средство для подачи сигналов. Умно – в горах ни до кого не докричишься...

Они свернули с тропы – и тут же натолкнулись на двоих боевиков, поджидавших в засаде. Совсем молодые, похоже и двадцати нет – и для этого возраста вооружены просто отлично. В их годы – в племенном ополчении пацаны рады, если получают свою первую, древнюю, еще дедовскую винтовку – а у этих на двоих был пистолет – пулемет СТЭН и автоматическая винтовка Токарева. Правда, не факт что последняя стреляет... она очень чувствительна к уходу, с этим сами казаки в свое время намучались. Но и СТЭНа хватит, чтобы перепилить их пополам...

Один из молодых – у него даже не было бороды, так, кустистая поросль на подбородке – что-то резко спросил на странном, каркающем языке – и Джасим на этом же языке ответил. Велехов – языка этого не знал совершенно, но явно не арабский, не похож ни на один из диалектов. Скорее это горский язык, распространенный восточнее этого места... казаки много слышали про него, но не нашли никого, кто бы смог их обучить хотя бы несколькими словами. А язык этот – в основном распространен на британской территории. Вот и соображай... что к чему.

– Они говорят – оружие есть? – перевел Джасим

– Есть – ответил Велехов

– Тогда отдай им. Тебе вернут, как ты будешь уходить. Это признак доброй воли...

– Если они требуют от меня в знак приветствия отдать мое оружие – сказал Велехов – то пусть взамен отдадут мне свое, ведь в шариате сказано: приветствуйте друг друга подобным.

Джасим нахмурился – но заговорил не с Велеховым, а с этими двумя. После пары минут переговоров на этом странном, отрывистом как автоматная очередь языке – эти двое отодвинулись с тропы, давая понять, что можно пройти...

²² Табак в горах не выращивали, а сигареты стоили примерно в девять – десять раз дороже привычного ката. Сигареты курили в основном на побережье – египетские, контрабандные. Курение египетских сигарет – было одним из признаков принадлежности человека к организованной преступности. Те, кто был связан с англичанами – курил британский Ротманс, который англичане часто использовали как средство оплаты

* * *

Пещера. Неверный свет костра, танцующие блики на скальной породе стен. Костер – поддерживается не деревом, оно используется только на растопку. В костре – горят черные камни, горят хуже, чем дерево – но горят²³...

У костра – в круг сгрудились человек десять. Все молодые... нет ни одного, кто был бы старше тридцати или кто явно бы выглядел как серьезный вожак. Некоторые – даже бороду еще не смогли вырастить. Лет двадцать пять... некоторые к тридцати, но старше никого нет. Господи и это – Идарат, которого все боятся?

Или это подстава?

Да нет, не подстава. Все отлично вооружены, просто на диво хорошо, не хуже правительственной армии. Почти у каждого – на поясе вместо местного кинжала джамбия – современный пистолет, у некоторых даже в кобуре. У всех – у кого винтовки, у кого автоматы, токаревок – целых четыре. Автоматическая винтовка Токарева – с ней надо повозиться, это тебе не простая как кирпич мосинка – но если освоишь, она немногим уступит ручному пулемету. Автоматы – разномастные СТЭНЫ, два ППД, как минимум у двоих – новые богемские десантные автоматы, которых и на рынке то нет. У контрабандистов купили, что ли. Ручные пулеметы – два БРЭНа и итальянская Бреда с питанием магазинами.

Откуда они взяли все это? Оружие на каждом из них – стоит больше денег, чем они заработают в этих горах, целый год горбятся на какого-нибудь феодала. Кто им дал все это, кто их снабжает?

Еще большее удивление – вызывали подсумки на боку с запасными магазинами. Это уже – признак регулярной армии. А это – откуда?

А откуда взял пистолет тот парень, который пытался убить его самого, но убил в результате своего отца? Кто ему дал пистолет?

Смотрят – кто враждебно, кто с интересом. Но последних – все-таки большинство.

– Салам алейкум... – дал Велехов приветствие, которое принято на всем Востоке

– Ва алейкум. Ва алейкум ас салам... – отозвались многие. Кто-то – давал полный салам, а кто-то – отвечал так, как было принято отвечать иноверцам.

Велехов молча ждал, пока кто-то заговорит. Кто заговорит – тот у них и амир.

– Садись ближе к костру, руси... – сказал круглолицый бородач, чья борода была коротко и довольно неаккуратно подстрижена (может, просто ножом обкорнал) – и вкуси с нами того, чем богат наш стол...

– Рахмат...

Велехов – по-турецки уселся у костра, на правах гостя выбрав себе место. Спиной к скале, так чтобы сзади не подкралась. Ему протянули лепешку, с зеленью и свежим жареным мясом... так питались в Междуречье, а здесь – нет, хлеб ели отдельно, а мясо – отдельно. Понятно, откуда ноги у всего этого растут – но непонятно, кто это все так хорошо финансирует.

Перед тем как есть – Велехов перекрестился. Идаратовцы – не обратили на это ни малейшего внимания.

Лепешка была вкусной, на настоящей муке. Он съел еще одну, а от третьей трижды отказался, показывая, что сыт.

– Хвала Аллаху... – сказал бородач – наш брат сказал, что ты хотел видеть нас и говорить с нами. Говори, мы слушаем тебя...

Велехов – мысленно еще раз перекрестился. Если он правильно все рассчитал – он получит союзника. Если нет – живым отсюда не уйдет.

²³ В Йемене в горах есть небольшие месторождения каменного угля. Небольшие – но есть.

– Я не хочу говорить с вами. Я хочу спросить вас...

– Спросить? Так спроси.

– Вы говорите о несправедливости, но в то же время с ней не боретесь. Как это понимать?

И как тогда смотреть на вас – как на лицемеров?

Бородач нахмурился

– Мы не лицемеры, руси. Думай, что говоришь.

– А как иначе говорить о тех, кто говорит о несправедливости, но не делает ничего, чтобы устранить ее? Что вы сделали, чтобы устранить ее?

– Ты чужак, руси. И ты – казак. Угнетатель.

– Да, но я имею право говорить как человек, который видит со стороны. И разве ты ответил на мой вопрос?

Бородач мог сделать одно из двух. Выстрелить в него – или сдать позицию, начав оправдываться. И он выбрал второе. Все-таки – те, кто по двадцать – тридцать лет еще не волки. Сколько бы крови на них не было.

– Разве ты не знаешь, что мы сделали только за последнее время?

Бородач коротко перечислил – кое-что из этого Велехов знал, но большей частью – нет. В число содеянного – попала и страшная перестрелка прямо в Шук Абдалле с группой британского спецназа 22САС.

Но Григорий – только покачал головой

– Все то, о чем ты мне рассказал – все это одно из двух. Или ты пополнял собственный карман, грабя и уподобляясь обычному бандиту. Или ты отбивался, когда на тебя нападали.

Бородач – вскочил на ноги

– Как ты смеешь судить нас, неверный!

Вскочил на ноги и Джасим, крикнув что-то о гостеприимстве – а вот Велехов остался сидеть. Во времена, когда он жил на Востоке и входил в тамошнее войско – он повидал всяких... бандитов, грабителей, налетчиков... всяких. И научился различать людей. Эти – были слабоваты. По любым меркам. Их единственное достоинство – то, что они верят. По-настоящему верят. И это же – их недостаток, один из многих. Потому что бандиты, что с междуречья, что с нагорья – за красивой вуалью веры, за громкими словами и помпезными клятвами – скрывают цинизм, звериную жестокость, лисью хитрость и четкое, кристально ясное понимание своих шкурных интересов, которые не имеют ничего общего с исламом, которых они держатся до последнего и от которых просто так не отступят. Семья, род, племя – вот что их интересует. Они всегда помогут своему, они всегда найдут оправдание кормящему их семьи грабежу и похищению людей – мол, ведем джихад. А эти... похоже, они ничуть не более зрелые, чем те, начитавшиеся книжек студенты...

Нет в них фундамента. Нет опоры на землю, какая есть у матерых бандитов и матерых политических террористов. Есть только гнетущее чувство несправедливости, порывистость юношества и кто-то беспредельно циничный и злобный за ними, кто вооружил их и готовит для какой-то цели. Для какой-то очень серьезной цели.

И потому – Велехов остался сидеть, как это и подобает мужчине, воину, амиру, командиру сильного отряда

– Я смею судить как человек, который собственными руками устранил несправедливость, разгромив тагута на вашей земле, и отняв то, что он собирал не по шариату.

– О чем ты говоришь, неверный?

Новости в горах – распространились в основном слухами, могли и не знать...

Быстро заговорил Джасим, свидетельствуя о том, что сам видел и в чем сам принимал участие. Бородач немного поостыл

– Наш брат свидетельствует, что ты и в самом деле напал на дом тагута и проявил себя как мужчина и воин и умелый амир. Но разве это дает тебе право говорить, что мы грабители

и из числа сидящих²⁴? И разве ты не забрал те деньги, которые нашел в том доме? Так чем же ты лучше нас, неверный?

– Тем, что потратил эти деньги на покупку оружия.

Бородач усмехнулся

– И мы немало тратим на это.

– На покупку оружия для того, чтобы атаковать дом тагута и навсегда избавить горы от этого нечестивого и гнусного правителя. Смерть Абу!

Наступила тишина.

– Смерть Абу! – с нажимом повторил Велехов – разве вы не этого хотите? Разве не это – справедливость для тех, чьи жизни под ним и тех, чьи жизни он успел отнять? Смерть нечестивцу, смерть подонку, поправшему человеческие и божьи законы! Смерть!

Бородач смутился. А вот остальные – начали смотреть на него с интересом.

– Или ты не хочешь сражаться?

– В Шук Абдалле много войска – с сомнением сказал бородач – и англизы

– Сиди с сидящими!

– Не говори то, о чем пожалеешь! – окрылся бородач – ты не знаешь, о чем говоришь!

Надо уведомить Центральный совет! Мы не имеем права ничего делать без решения Центрального совета! Ничего!

Ага, значит, есть и какой-то координирующий орган. И его название – явно не исламское...

– Уведоми сначала свою совесть – Велехов чувствовал, что выигрывает и дожимал – разве ты не встал для того, чтобы воевать за свой народ? Для кого ты все это делаешь?

– Неверный прав! – сказал кто-то, и это было промежуточной победой.

– ... как ты будешь чувствовать себя, если мы пойдем и сделаем то, о чем ты лишь говоришь? Нет слов лучше тех, что произнесены мечом!

– Если хочешь идти – иди. И собаки разорвут твой труп и трупы твоих людей на рыночной площади Шук Абдаллы! У Абу до пяти тысяч людей.

– Я взял крепость, в которой было сто с лишним человек силами двадцати. Сейчас у меня – не меньше двух тысяч.

– Так это был ты...

И Велехов... он заметил то, чему не было никакого объяснения... разумного, по крайней мере. Он заметил, как при упоминании о крепости – у бородача в глазах скользнуло что-то мимолетное... ненависть и страх. И объяснения этому не было – ведь речь шла об общих врагах, верно?

Но времени обдумывать не было.

– Да, это был я. И мои слова получились весомее твоих, ибо были подкреплены силой меча. Когда я вошел на твою землю, у меня было двадцать человек. А сейчас – две тысячи.

Это был намек на то, что люди могут и переходить от одного военачальника – к другому. К более удачливому – от менее удачливого.

– И будет больше, как я объявлю о своих намерениях.

– Какие племена с тобой? – спросил бородач явно чтобы выиграть время...

Велехов коротко перечислил.

– Но вы все знаете, что дело не в оружии, и не в численности армии, хотя и того и другого у меня достаточно, Слава Богу. Вы помните Пророка Мухаммеда – а мы помним Пророка Ису, так уж вышло. Но и ваш народ и мой согласны в одном: главное не сила, главное вера. Вера в правду. Мы идем в бой за правое дело. И ангелы с огненными мечами – будут с нами. Что ты им противопоставишь...

²⁴ То есть трусы. Именно этим словом в шариате обозначаются трусы.

Бородач явно терялся. И те, кто был вместе с ним – уже рвались в бой. А военачальник – не может идти против настроений своей армии, не рискуя проиграть и потерять все.

– Я не скажу тебе ни да, ни нет – сказал бородач – ты неверный, а мы не доверяем неверным. И не имеем дела с неверными. Но я – скажу тебе свое решение до дня битвы.

– И сколько же ты приведешь?

– Много – сказал бородач – нас больше, чем ты думаешь

– Хорошо – сказал Велехов – только поспеши. Не хватало еще, чтобы землю мусульман от угнетателей – освобождали неверные.

– Не говори то, о чем не знаешь – сказал бородач, пытаясь оставить за собой последнее слово. Но оно осталось не за ним...

* * *

– Ты нажил себе врага, руси – сказал Джасим, когда они шли в обратный путь – Назим коварен и властолюбив.

– Давно он здесь?

– Какая тебе разница, руси?

– Большая. Так давно?

– Три года.

– Кто из вас его знает? Откуда он пришел?

– Из Адена. Его предки родом с гор, но они давно их покинули...

– И что он сделал такого, чтобы вы позволили властвовать над собой? Кроме того, что говорил слова?

Джасим нахмурился и ничего не ответил

– Слова означают справедливость.

– Слова ничего не означают. Если нет действий. Думай своей головой. И думай о том, где позор, и где – слава...

Горы, регион Хадрамаут. Дорога. 02 августа 1949 года

Вторую группу казаков и наемников, по размерам вдвое превосходящую первую – возглавлял старший урядник Петро Кательников. Он вышел в строго противоположную сторону, нежели отряд Велехова – и задача его была совсем другой...

Место, которое нужно было Кательникову – располагалось на стыке трех полунезависимых государств – Бейхана, Вахиди и султаната Верхнего Авлаки – и от этого места до границы с Британской Империей было не более сорока миль по прямой – что равным счетом ничего не значило, потому что в горах сорок миль можно идти вечность...

Кательников – разделил свой отряд на два, и один из них – пустил одним из немногих существовавших здесь путей напрямик к месту, которое он наметил – а второй, в который включил всех снайперов и поставил над ними Слепцова – бросил по горам, легкими ногами на перехват. Они должны были перейти в княжество Вахиди и вернуться обратно... уже торговой тропой...

Слепцов, с двумя наиболее опытными казаками – снайперами – поспел к месту даже раньше, чем они то планировали. И сейчас, расположив снайперов на склон горы – он ждал караван...

Караван, который он ждал – шел от побережья и принадлежал пирату по имени Шломо. Столь необычное для араба имя объяснялось тем, что арабом он и не был – а был самым настоящим евреем, правда с сильно перемешанной кровью. В отличие от своих предков, которые сильно потрепали нервы еще римским владыкам и грабили испанские галеоны²⁵ у Кубы – этот вовремя понял, чем грозит морской разбой в эпоху авианосцев и поутих. Из честного морского разбойника – он превратился в торговца, причем торговать предпочитал всем, чем торговать нельзя. Он торговал опиумом с цивилизованными странами, скупая тот, который выращивали в горах и часть из которого отдавали правителю в качестве уплаты податей. Он торговал детьми – в горах рожают много и далеко не всех можно прокормить. Он торговал женщинами – собственно говоря, из-за него и появилось невиданное доселе в горах похищение женщин: их начали похищать только тогда, когда за них стали платить приличные деньги. Он торговал не только горянками – эмиры и шейхи могли заказать у него белую рабыню для себя или своих сыновей – это обходилось ничуть не дороже, чем платить большой выкуп за дочь знатного рода. Он имел контакты с *зухерами* – сетью еврейских похитителей людей, которая была раскинута от Малороссии до шумных рынков Бейрута и Багдада²⁶. Так что имя Шломо – было известно любому деловому человеку, что в порту Адена, что в любой рыбацкой деревушке, что на британской, территории, что на русской. Того, кто украл что-то у Шломо – можно было сразу отпевать.

Караван – должен был встретиться с некоторым количеством гвардейцев и доверенных людей нечестивца Абу с тем, чтобы поменять кое-какие товары на опиум, кат и женщин. После чего стороны, довольные друг другом и совершенной сделкой – должны были разойтись восвояси.

Если бы не одно «но». Те люди, которых посылал на такие дела нечестивый Абу – много болтали. В том числе – и в местах публичных. И о том, что и где должно было

²⁵ Евреи постоянно занимались пиратством. Именно от пиратов – пошли евреи в Карибском бассейне. Занимательный факт – в конце 19 века парламент Ямайки не заседал по субботам – столько в нем было евреев. Секретный пиратский язык – так же основывался на давно не применяемом в обиходе арамейском.

²⁶ Зухеры существовали в реальности и еврейские погромы происходили не просто так, обычно раскрытие притона зухера служило спусковым крючком к погрому всех еврейских заведений в округе. В этой реальности – преступный центр зухеров был уничтожен в 80–82 годах во время польского Великого Рокоша, когда были отменены все права и военные получили право расстреливать на месте. Тогда истребили и зухеров – всю верхушку.

* * *

Их уже ждали. Несколько человек, все с длинными бородами, двое из них – со странными косичками, в которые они заплели волосы. В небольшом отдалении – виднелись мулы и вторая группа людей, караулящих их. Это погонщики, они тоже вооружены, но их задача – не допустить, чтобы осел или мул упал в пропасть с товаром...

Люди, ожидавшие их – были вооружены. Это были бандиты – но бандиты, имеющие деньги и хороший доступ к черному рынку оружия, в основном аденскому и африканскому, ближайший крупный порт и оружейный рынок находились в Могадишо, в Итальянском Сомали. Известная дыра, немало тайных и темных дел. Поэтому, вооружены они были хорошо – ручной пулемет Бреда, похожий на старый Томпсон из-за дополнительной передней рукоятки, полуавтоматические винтовки германского и итальянского образца, Маузеры. У главаря – на груди красовался короткоствольный пистолет – пулемет Стар с длинным, кривым магазином²⁷ и передней рукояткой.

Главаря на побережье знали и знали хорошо. Он был известен как Чака – бывший полицейский-дезертир из Британской гонконгской полиции. Жестокостью – он превосходил любого горца.

Но и люди Абу – были не подарок...

По невидимому сигналу – они двинулись навстречу друг другу – по двое, с каждой стороны. Вообще то – если считать честно, со сторон Абу было трое, но поскольку женщину нельзя считать за человека, надо сказать, что все таки было двое. Вместе с Чако – вперед пошел еще один пират, бандит и контрабандист по имени Рашид – турок, дезертир из русского флота, запутавшийся в карточных долгах и стремительно скатившийся вниз до висельника и бандита... или наоборот, быстро поднявшийся по криминальной иерархии, до не последнего человека самого Шломо.

– Ас саламу алейкум... – сказал Чака, когда они приблизились друг к другу и, и провел ладонями по небритым щекам. Он отрекся от веры отцов и сделал обрезание – но принял не ислам, а иудаизм, чтобы быть доверенным лицом Шломо

– Ва алейкум... – коротко ответил Фахри, доверенный человек Абу. Он был мусульманином и не собирался отвечать полным приветствием иудею²⁸.

– Как ты добрался, был ли легок твой путь?

– Хвала Господу...

Какому именно – не уточнялось. Впрочем, наверное, не было более интернационального братства, нежели братства криминальное...

– Что ты привез...

– Посмотри сам...

По знаку доверенного лица Абу – солдат откинул покрывало с женщины, которую он привел «на пробу» – конечно же, взяв самую красивую...

– Один взгляд скажет больше, чем тысячи слов...

Девушка и впрямь была хороша. Лет четырнадцати – пятнадцати – на Востоке это самый возраст для замужества, а в горах и подавно: из-за войн и усобиц многие не доживают и до

²⁷ Существовали в Испании и США, в Испании под 9*23 Ларго в США под 45 Кольт, 45 Томпсон и 9*25 Винчестер. Тактическая ниша примерно такая же как у современного п/п НК МР-7 или Мини-Узи. В нашем мире – таким был в частности вооружен Джон Диллинджер

²⁸ Иудеи приветствовали Пророка (Да благословит его Аллах и приветствует) говоря: «Ассам алейкум йа Мухаммад» (Смерть тебе, о Мухаммад), молясь о том чтобы он умер. И Пророк (Да благословит его Аллах и приветствует) ответил: «Иудеи, говорят «ассам алейкум», а вы, отвечая им, говорите «ва алейкум» (И вам)»

двадцати пяти – а ведь надо и дать потомство! Нежная, смуглая кожа, совершенно фантастические желтые, даже янтарно-желтые, почти кошачьи глаза...

Чако приблизился, желая рассмотреть.

– Хороша...

Не сдержав себя – и тем самым показав свою слабость – он протянул руку, грубые пальцы защемили кожу на щеке девушки, словно желая проверить, настоящая ли она. Девушка взвизгнула и вцепилась зубами, как смогла – но у тех, кто делал дела в этих горах, кожа была дубленая – не прокусишь...

Фахри шагнул вперед и цепко схватил Чаку за руку.

– Ты не заплатил, а уже протягиваешь руку. Это нехорошо...

Чако – с сожалением убрал руку и солдат – обратно накиннул на девушку чадру.

– Сколько у тебя?

– Сегодня шесть... Нежных как пустынная роза, все девственные и только и ждут опытного наездника...

– Этого мало.

– Есть еще хаш²⁹. Совсем свежий, этого года урожая...

– Сколько?

– Три тысячи истилей³⁰.

Это было достаточно много. Конечно, не для них, тех, чьи руки простираются до Марселя, Константинополя, Неаполя, Бизерты, Танжера – то есть туда, где найдется немало желающих заплатить за золотой сон. С другой стороны – в прошлом году был большой урожай, цены упали, многие придерживали свой хаш до лучших времен – и сейчас наверняка смешали свежий и хаш прошлогоднего урожая. А хаш не вино – со временем лучше он не становится...

В общем – есть повод поторговаться...

– Этого товара – достаточно у всех...

– Но только у нас – ты можешь найти такой товар как эта роза... – сказал Фахри – а мой господин не терпит неуважения.

– Неуважения? Мы не говорим про уважение. Наше уважение – деньги, которые мы платим. А твой товар – прошлый раз был хуже некуда.

– Но и цена, которую ты за него уплатил – была намного ниже, чем она есть на рынке. Всякий товар имеет свою цену, и разве ты узнал нашу чтобы судить о товаре...

– И сколько ты хочешь?

– По полтора британских соверена за истиль.

– Ха... Да столько он не стоит и в Багдаде.

– Это хороший товар. Самого свежего урожая...

– Свежего? Дай попробовать...

– Ты уже оценил красоту живого товара, кто сказал, что неживой хуже. К тому же – я до сих пор не видел денег...

Чака – с недовольным видом кивнул

– Рашид... принеси мешок...

Здесь, как и в стародавние времена – а во времена царицы Савской здесь торговали рабами, благовониями и благородными смолами, килограмм которых стоил тогда дороже килограмма золота – не признавали бумажных денег, они считались несерьезными. Деньги – признавали только металлические и переносили их либо в кожаных кошелях у пояса либо в боль-

²⁹ Гашиш в плитках.

³⁰ Мера веса на Востоке, 139 граммов.

ших мешках из кожи или из желчного пузыря животных обшитого грубой тканью. Именно такой мешок – и требовал принести представитель самого опасного пирата в регионе...

Тяжело отдыхаясь – жители побережья плохо чувствовали себя в горах из-за сухого и разреженного воздуха – Рашид принес мешок. Тяжело плюхнул его на землю, мешок солидно и негромко звякнул. Кроме того – у пиратов был еще товар, заказанный Абу прошлый раз – и цену на него устанавливали они. Но с ним – разберутся потом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.